

Гай Юлий Орловский

Риц@рдс

Длинные Руки —
принц короны

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные
Руки – принц короны**

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – принц короны / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2013 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-63856-7

Суровая северная зима засыпала глубоким снегом королевство Сакрант. Войны утихли до весны, даже до лета, когда не только растает, но и подсохнет. Но это не избавляет принца Ричарда от дежурства в покоях королевы эльфов, сложностей с тремя сестрами-принцессами, плащом Каина, жестокого соперничества с Аскланделлой, дочерью императора Вильгельма... а тут еще Вельзевул, властелин Ада, настойчиво добивается личной встречи с сэром Ричардом!

ISBN 978-5-699-63856-7

© Орловский Г. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – принц короны

Часть первая

Глава 1

Морозец наконец-то выжег сырость, землю сделал твердой, а из тяжелых, словно свинцовых туч пошел снег, сперва хлопьями, потом мелкий, уже точно не растает.

Мир сразу стал просторнее, маслянистая грязь превратилась в каменные надолбы, а те спрятались под белым одеялом. Тучи третий день надвигаются с севера – тяжелые, едва удерживаются, чтобы исполинскую массу снега не обрушить целиком, постанывают от непомерного груза, но стараются донести до цели и распределить все это сверкающее богатство равномерно на большой площади.

На третий день после дерзкого захвата Генгаузгуза густой снег не просто пошел, а повалил, и сэр Альбрехт вздохнул с таким облегчением, словно он не барон Цоллерна и Ротвайля, теперь еще и граф, а простой крестьянин, и озимые погибнут, если снегопад не начнется прежде сильных морозов.

– Теперь никакая армия не подступит...

– Из Зондерсгаузена и Эйтеля уже вышли две, – вежливо напомнил герцог Мидль, – и довольно большие. Тысяч по семь в каждой.

– Подступить легко, – уточнил Альбрехт, – на санях еще проще, чем на колесах... Да только в шатрах на ледяном ветру не поночуешь... если не день-два, а недели. Или месяцы.

Норберт произнес ровным голосом и с самым непроницаемым лицом:

– Сегодня те армии повернули обратно.

– Наверное, – сказал Сулливан саркастически, – им раньше предсказывали, что зимой снега не будет?

– Боюсь, – сказал я, – на всю долгую зиму мы отрезаны от мира.

Альбрехт напомнил:

– Как и Мунтвиг...

– Да, – согласился я, – но у Мунтвига свои проблемы, у нас свои. Боюсь, запасы продовольствия в городе скоро иссякнут, а окрестных сел, как было до нас раньше, для снабжения будет маловато. Готовьте людей, которые установят связи с соседними городами. Торговые!

– А если откажутся?

– Пригрозите участью Вифли, – сказал я жестко.

Альбрехт добавил:

– А в качестве пряника напомните, что остальные города, сдавшиеся его высочеству Ричарду, не были ни в чем ущемлены.

– Верно, – согласился я. – Спасибо, барон.

Я поднялся из-за стола, все умолкли и обратили на меня вопрошающие взоры.

– Вернемся в главный зал, – сказал я. – Народу прибывает, нам нужно быть со всеми любезными, никого не отталкивать.

– Никого? – уточнил Альбрехт.

– Граф, – ответил я строго, – не придирайтесь. Это как правило, но из всякого правила бывают исключения.

Макс, редкий гость на совещаниях и обычно отмалчивающийся, предложил жизнерадостно:

– Пойдемте напрямик?

– Конечно, – ответил я, хотя собирался идти кругным путем по извилистым коридорам, а потом по гирлянде подвесных мостов. – Герои всегда выбирают прямые дороги, а мы кто?

В холле слуги поспешно набросили мне на плечи роскошную шубу, стражи так же быстро и с готовностью распахнули двери в заснеженный мир.

Широкое крыльцо уже вычищено от снега, даже прокопана узкая дорожка до конюшни, но двор весь покрыт этим чистейшим великолепием, уже скрывшим грязь и продолжающим щедро сыпаться из низких туч мелкими и частыми крупинками.

Главное здание дворца наискось через двор; я сразу провалился до колен в эту хрустящую чистоту. Пришлось идти, замата свой же след, как лиса хвостом, лапами роскошной шубы, а следом двинулись, весело поругивая погоду и ленивых слуг, мои полководцы.

В холле нас встретили исполшенно – не ждали со стороны двора, а мы, оставив шубы, пошли в центральный зал, что отделан с невероятной для севера роскошью: стены сплошь закрыты коврами и гобеленами, пол в плитах из зеленого с прожилками малахита, явно рядом богатые месторождения, с потолка в ряд свисают четыре люстры из зеленовато-желтой меди, свечи горят ярко и жарко, а на столе, длиной примерно в пять ярдов, посредине изящно выполненные светильники из серебра, изображающие драконов с разинутыми кверху пастьми, куда вставляют свечи.

Вообще-то дворец разукрашен и расщечен по моему приказу. Даже днем в залах, где из-за узких окон мало света, теперь горят все люстры, создавая праздничное настроение.

С поперечных балок и с перил балконов гордо свисают багровые, алые и пурпурные полотнища, почти все с различными гербами, украшенные золотым шитьем, оскаленными мордами лютых зверей, – хотя бы один изобразил зайчика.

Слуги в праздничном, в холле пятеро музыкантов старательно тянут натужно веселую мелодию. Народу прибавляется, но пока что ни один из местных лордов не поспешил ко мне с присягой верности, все присматриваются, жарко обсуждают друг с другом случившееся и строят всякие планы.

Понятно, еще больше лордов собирается по замкам, где ловят слухи и стовариваются действовать совместно против захватчиков, как только определят как.

Мои лорды топают за мной гурьбой, готовы защитить сзади и с боков, а впереди, у трона, стоят в ожидании телохранители, отобранные Зигфридом и проверенные Скарлет.

– Лорды, – сказал я приподнятым голосом, – развлекайтесь и развлекайте гостей. Помните, пир бывает продолжением успешной войны. Мы должны побеждать не только в битвах!... А вас, граф, прошу за мной.

Альбрехт подчеркнуто горестно вздохнул, остальные жизнерадостно заржали, а мы с Альбрехтом быстро прошли через дверь, расположенную справа от королевского трона, а там уже через две двери мой кабинет, где совсем недавно принимал решение король Сакранта Леопольд Кронекер.

Слуги почтительно распахнули перед нами обе створки, я вошел по-хозяйски, нельзя подавать виду, что малость мандражирую, это моментально ослабит не только меня, но и всю нашу армию, – со вздохом облегчения развалился в кресле за королевским столом и указал Альбрехту место в таком же роскошном и с позолоченной спинкой слева от стола.

– Присядьте, граф.

Он опустился с осторожностью, не отрывая от моего лица настороженного взгляда.

– Ваше высочество?

– Сэр Альбрехт, – сказал я официальным тоном, – назначаю вас вице-регентом по делам королевства Сакрант.

Он вскочил, поклонился.

– Ваше высочество, благодарю за честь, вы так ошеломительно щедры, что даже и не знаю, куда бежать и где прятаться... но вице-регент... это что?

– Это все, – сказал я с подчеркнутым злорадством, – все, дорогой друг! Теперь буду ехидничать я. Особенно когда расплатесь, что ничего не получается, – такое будет, будет! Набирайте штат, привлекайте местных, знающих специфику... Хотя какая тут специфика? Хватай и грабь... Нет-нет, это не указание, а как бы шутка. Вы как вице-регент, так сразу и шутить разучились? Или только над другими можно?..

Он пробормотал:

– А не слишком ли велика для меня... гм... честь?

Я перекрестился.

– Все мы несем ношу, возложенную Господом. Считайте, это Господь вас нагрузил как ослика, что порой несет больше, чем лошадь.

Он пропустил намек на его малый по сравнению с моим рост, хотя это получилось нечаянно, полюбопытствовал:

– Вы уже Господь?

– Господь ничего не делает сам, – пояснил я, – а только через его поверенных в делах. Так что, граф, не брыкайтесь.

Судя по его виду, побрыкаться очень хотелось, но вздохнул и поинтересовался кротко:

– А какие главные требования?

– Граф, – напомнил я, – вы же не только рыцарь, но и умелый хозяйственник. И даже кадровик! Вон за Норберта каждый день вас вспоминаю...

– То-то меня икотка душит...

– По-хорошему вспоминаю, – сказал я строго. – Представьте себе, что это ваша земля... ну, что ваши Цоллерн и Ротвайль несколько расширились. Но порядок нужно навести и в расширенности, и в дальнейшей расширяемости. И чтоб все работало. Для нас это жизненно важно, ибо мы сейчас не волки в овечьей стае, а пастухи, что хоть и режут отдельных незнатных овец пожирнее, но за остальными следят и ухаживают, отращивая где мясо, где шерсть.

– Гм, – сказал он задумчиво, – а нельзя ли учредить должность двух вице-регентов?..

– Зачем?

– Я буду резать, – пояснил он, – а другой кормить и ухаживать.

– Нет уж, – сказал я, – такое должно быть в одних руках. Сами понимаете почему.

Он понимал, судя по мрачному лицу, сказал с тяжелым вздохом:

– Хорошо, переговорю с Рэджилом Роденберри, так зовут городского старшину? Он показался вменяемым человеком.

– Правильный выбор, – сказал я с одобрением.

– Считаете? – ответил он. – Или сбиваете с толку? Если дать больше власти... скажем, как в наших городах, этот Роденберри землю будет рыть копытами и рылом.

– Да и другим цехам, – подсказал я, – больше прав, самоуправления, право на герб...

– Не сбивайте, – огрызнулся он. – А то у вас такой вид, что сразу хочется сделать наоборот.

– Вы тоже, – проговорил я важно, – в правильном направлении роете, граф. Уж и не знаю чем.

В кабинет заглянул Зигфрид, лицо хмурое и настороженное.

– Ваше высочество, к вам гости.

– Кто? – спросил я.

– Местные лорды, – доложил он.

– Где они?

– Я их отвел в малый зал тут рядом, – сообщил он. – Там хорошая охрана, если где что пойдет не так.

Альбрехт заметил обеспокоенно:

– Не совсем же они дураки; хотя почему нет? Дураков все-таки на свете больше. Ваше высочество, я все понял, ухожу осличать.

Зигфрид проводил его непонимающим взглядом. Я сказал нетерпеливо:

– Хорошо, пойдем. Не будем заставлять ждать, выкажем уважение.

Во всем дворце залы огромные, неуютные, я то и дело замечаю, как от стен дует холодным ветерком через неплотно подогнанные гранитные глыбы. Где-то из щелей выпал мох, которым прокладывают на стыках, и теперь только гобелены спасают от кинжальных сквозняков давно уже не летнего воздуха, но не могут перекрыть ему дорогу в залы вообще.

Все эти дни я даже завтракал в королевских покоях, что не совсем по этикету, а вообще-то это полагается делать вот в этом зале, длинном, унылом и рассчитанном на целый полк.

В малом зале, что даже не зал, а большая уютная комната, в огромном камине полыхают толстые березовые поленья, несет приятным сухим жаром.

Трое дородных мужчин повернулись в мою сторону, но я шагнул к камину, теплый воздух коснулся лица, и я с наслаждением протянул к огню озябшие руки.

Зигфрид придвинул мне кресло, поклонился и вышел. Я молча сел, а ноги в сапогах опустил на каминную решетку из темного и почти обуглившегося от жара металла, но затем убоился за их сохранность и убрал.

В комнату вошел Норберт, поклонился и застыл у двери, дескать, сегодня его почетная очередь из наиболее знатных лордов прислуживать за столом обожаемому сюзерену.

Я повернулся вместе с креслом в сторону гостей, все трое ждут молча и терпеливо. Я окинул их внимательным и хозяйским взглядом, проговорил приветливым голосом всемогущего лорда, строгого, но доброжелательного:

– Садитесь, господа, вон там кресла. Кто вы и что вы?

Все трое очень немолодые, уверенные настолько, что я нарочито продемонстрировал свою власть и напомнил себе, что надо не забыть еще пару раз в беседе дать понять, что здесь хозяин я, а не они, хотя мы и в Генгаузгузе, самом центре королевства Сакрант.

Первый произнес с едва заметным поклоном:

– Вильдграф Вильдан Зальм-Грумбах, лорд земель Ирмии и Нирда, куда входят города Зальм-Кирбург и Зальм-Даун.

Норберт с самым почтительным видом приблизился ко мне – короля играет свита – и сказал тихонько:

– Это справа от Генгаузгуза.

Ясно, сказал я себе, что не бургомистр, туда выбиваются из простого народа, а от этого веет вереницей предков, что сражались и погибали в боях, защищая или завоеывая, и редко доживали до старости. Породистый во всех смыслах, что значит при нем и рост, и размах плеч, и несокрушимое здоровье, что позволяет легко переносить тяготы воинской жизни в любом возрасте.

Вильдграф отступил, все такой же ровный, невозмутимый, но без излишней надменности, сел в центральное из указанных кресел, подчеркнув свою главную роль в их тройке.

Второй, похожий на быка в камзоле, сказал густым голосом:

– Маркграф Джонатан Берген. Лорд земель Изенбурга и Бириштайна. Также и Хорна, но это далековато и можно во внимание не принимать.

Я промолчал; если можно не принимать, то можно было и не упоминать, но раз упомянул, то в тех землях явно нечто особенное, придающие ему добавочный вес и уважение.

Он сел, тоже из породы тех, кто мечом и напором создает свои империи, пусть и крохотные, продолжая дела предков, ростом уступает вильдграфу, зато в плечах ширина необыкновенная, массивен, а голова громадная, как пивной котел.

Третий сказал вежливо:

– Барон Герберт Оберштайн. Мои земли от Генгезгауза слева, в них входят города Фирнебург, Изендорф и Шайдвилд, под стенами которых ваши люди уже побывали.

Этот моложе остальных, но тоже из тех, кто мечом раздвигает пределы, его не спутаешь со старшиной города или главой гильдии, хотя те могут быть богаче.

Норберт произнес негромко, но так, чтобы его услышали и гости:

– Ваше высочество, под стенами всех остальных городов появлялись только конные разъезды. Думаю, сакрантцам не стоит подавать дело так, что ваши войска пытались взять эти города штурмом, а они героически отбились от превосходящих сил.

Молодец Норберт, мелькнула мысль, следит за высказываниями и вовремя замечает, когда кто-то пытается упрочить положение, принижая наше. А еще умеет и язвить. Это не в его натуре, но общение с Альбрехтом сказывается.

Я сказал бодро:

– Что ж, а кто я, уже знаете. Мы все люди военные, потому не будем терять времени. С чем прибыли, господа?

Глава 2

Норберт поставил на стол четыре фужера из тончайшего стекла, настолько прозрачного, что в таких видно только вино, как будто стекло вообще исчезает, меня распирает гордыня от осознания, что могу создавать для бахвальства такие штуки.

Я сказал так же бодро:

– Лорды, давайте пересядем к столу и обсудим наши проблемы. Прошу вас!

Они так же молча пересели на ту сторону, и потому что все сакрантцы, и потому что у них общая позиция, а еще и затем, чтобы между нами оставалась широкая столешница, через которую до меня труднее дотянуться.

Норберт, расставив фужеры перед гостями и своим сюзереном, взял серебряный кувшин и бросил в мою сторону быстрый взгляд. Я чуть наклонил голову, он поднес кувшин к фужеру вильдграфа Зальц-Грумбах.

Из изящно загнутого носика полилось горячее вино солнечного спектра, и снова я невольно подумал, что стекло слишком хрупкое, может лопнуть в грубых лапах этих лордов, чьи пальцы привыкли сжимать рифленые рукояти тяжелых мечей.

Вильдграф с недоверием посмотрел на легкий парок над фужером, перевел взгляд, полный подозрения, на меня...

– Подогретое вино?

– Глентвейн, – объяснил я. – Наш национальный напиток на Юге. Зимой, да еще в такой снегопад... вам понравится.

Он осторожно отхлебнул, прислушался к ощущениям, сделал еще глоток и задержал во рту, стараясь понять странные и неведомые ощущения.

– Что за добавки?

Я отмахнулся.

– Знаю только, что корица, гвоздика, лимонная корка, мед, черный перец, душистый перец, еще какая-то хрень, это дело поваров и виноделов, а я... ха-ха!.. усердный потребитель.

Маркграф Берген, глядя на соратника, сделал глоток побольше, застыл, стараясь справиться с неведомым и не подать виду, что огорочен. Ему из того же кувшина фужер наполнился горячим грогом, но я не стал разбавлять ром наполовину горячей водой, как требует рецептура, а просто добавил корицу, гвоздику, имбирь и лимон, а также сахар, что в такую холодную погоду для организма как спасательный круг, брошенный утопающему в море.

Норберт медленно перешел на сторону барона Оберштайна и задержал пустой кувшин над его фужером. Я чуть прикрыл глаза, подавая знак, дескать, я готов. Норберт наклонил изящный носик над краем тончайшего стекла.

На этот раз струйка вина выглядит темно-коричневой, насыщенной, плотной, хотя это всего лишь коньяк, правда очень старый, коллекционный. К счастью, мой метаболизм не только ускоряет заживление ран, но еще и бережет от простуд и опьянения. Коньяк, которым я наполнил два фужера, барону и себе, для меня всего лишь эссенция виноградного сока, и, кроме жгучего вкуса, ничего с тем прежним коньяком общего.

Барон сделал большой глоток, задохнулся, лицо побагровело, едва-едва не закашлялся, глаза полезли на лоб, но справился, начал отхлебывать мелкими глотками.

Напряженное лицо расслабилось, наконец он проговорил с непонятным выражением:

– А это вино не подогревали, как вижу, однако в моих внутренностях теперь бушует пламя... Нет-нет, приятное такое пламя. Согревающее. Как вы это делаете?

Я небрежно отмахнулся.

– А это все Юг, там много всякого... ну, делающего нашу суровую жизнь чуточку приятнее.

Он чуть усмехнулся, но глаза оставались настороженными.

– Да, но... из одного кувшина разные вина?

– Такие кувшины стоят дорого, – согласился я. – И продаются только на самых больших базарах. Где появляются покупатели с немалыми деньгами... Так о чем вы пришли поговорить?

Вильдграф сделал большой глоток и, не выпуская из руки фужера, где на дне остается еще около трети глинтвейна, произнес намного более деловым голосом:

– Мы прибыли поговорить о взаимоотношениях. Сразу хочу предупредить, мы остаемся лояльными императору Мунтвигу! Это обсуждению и пересмотру не подлежит. Однако мы хотим избежать неизбежных разрушений, грабежей, бесчинств и убийств...

Он запнулся, посмотрел на меня настороженно: не слишком ли много вывалил сразу.

Я кивнул.

– Продолжайте. Я тоже хочу избежать грабежей. Армия, которая начинает бесчинствовать, теряет управление. Это не в моих интересах.

Он посмотрел на своих за поддержкой, снова обратил взор на меня.

– В Генгаузгузе, – сказал он чуть увереннее, – несмотря на огромные запасы зерна, все же недостаточно продовольствия, чтобы кормить вашу армию всю зиму, а потом еще и весну. Ваши войска вынуждены будут разбрестись по окрестностям, что нежелательно как для вас, так и для нас...

– Вы сформулировали все очень четко, – ответил я. – Что вы предлагаете?

Он чуть смешался, явно готовился подходить к этому вопросу долго и осторожно.

– Мне трудно, – сказал он откровенно, – что-то предлагать, так как я, вы верно сказали, человек войны. Но мои управители в один голос вопят, что нужно на каких-то условиях посылать вам продовольствие, чтобы избежать неизбежных грабежей.

Барон Оберштайн вставил осторожно:

– Мы, как вы понимаете, в состоянии запереться за крепкими стенами и держать оборону. Однако, как рыцари и христиане, мы обязаны защитить все наши села и деревни, а также мелкие города, которые огорожены лишь простым частоколом для защиты от волков, лис и мелких грабителей.

Маркграф вставил с пылом:

– Если бы мы могли пойти в бой и погибнуть, но спасти наших подданных, мы бы это сделали!..

– Но это была бы бесполезная жертва, – сказал я с сочувствием. – Согласен, ситуация неважная. Мы все за этим столом – люди войны и стремимся к жарким сражениям, подвигам, блеску мечей, грохоту топоров по щитам и шлемам противника, крикам трупов и ручьям горячей хлюпающей крови под нашими подошвами. Желательно, чтобы по колено. По колено в крови – это звучит и наполняет гордостью! Однако все мы – рыцари, а это значит, как вы правильно только что сказали, красиво и возвышенно, мы должны защищать тех, кто сам защитить себя не в силах. Потому я готов к такому сдержанному сотрудничеству, которое не умаляет ни моей, ни вашей чести, а также не задевает достоинства, а служит только спасению тех, кого мы обязаны защищать.

Вильдграф Зальц-Грумбах перевел дыхание, вытер вспотевший лоб. Я повел бровью в сторону Норберта, тот молча наклонил над его фужером носик кувшина.

На этот раз я наполнил доверху коллекционным коньяком. Вильдграф сграбастал фужер в широкую ладонь и одним глотком отправил в рот, закашлялся, глаза полезли на лоб.

Барон, что сразу понял по цвету, что его старшему соратнику наливают то же самое, что и ему, наблюдал с некоторым злорадством и одновременно сочувствием.

Отвлекая внимание от кашляющего и фыркающего вильдграфа, он проговорил сдержанно-деловито:

– В какой форме это можно устроить?

– Вариантов много, – ответил я, – но не лучше ли оставить самый простой? Который никого не задевает и ни на кого не бросает тень?.. Крестьяне будут привозить в город продукты, как и привозили. А мы будем платить по тем же ценам, что были здесь до нашего... появления. Таким образом снимутся многие неудобные вопросы. Разумеется, никакого насилия над крестьянами чиниться не будет, это не в наших интересах. Пусть война идет между армиями, не задевая тех, кто эти армии кормит и одевает.

Вильдграф заметил осторожно:

– Это приемлемый вариант...

– На данном этапе, – добавил я, помогая ему, – на данном этапе. А что будет потом, оставим будущему. Сейчас же вы и мы, как вы заметили исключительно верно, заинтересованы в зимнем перемирии.

Норберт снова неспешно, давая мне время сосредоточиться, наполнил их фужеры, сам не зная, что наливает, а я сосредоточенно создавал ром, джин и виски.

Маркграф Берген, которому достался старый выдержанный джин, сперва понюхал, поинтересовался с видом знатока:

– Вино из можжевельника? Удивительно...

Я улыбнулся.

– Да там много чего намешано. Вкус на любителя, но в такую погоду нужно что-то крепкое.

Он отпил, прислушался, невольно заулыбался.

– Чудесный вкус... Я велю управителю пополнить запасы моего винного погреба этим чудесным... как он называется?

– Джин, – ответил я. – А вы, господа, наверняка желаете добавить в свои коллекции ром и коньяк?

В залах главного здания на втором, третьем и последнем, четвертом этаже везде полумрак, в металлических держаках, приклепанных к стенам, торчат наготове факелы, а свечи, как я понял, – это уже шик, они только в главном зале, а также в тронном и королевском кабинете.

Альбрехт, что исходил здесь в первый же день все вдоль и поперек, не выпуская из руки обнаженного меча, сказал самодовольно:

– Вся наша Армландия выглядела бы здесь как лучший из залов королевского дворца!

– Зато здесь люди мужественные, – заметил я.

Он посмотрел на меня с укором.

– А в Армландии?

– В Армландии тоже, – согласился я. – Вообще Армландии повезло. Люди в ней по-северному отважны, честны и благородны, однако из-Сен-Мари через перевалы проникло достаточно всякого, чтобы Армландия почти не отставала от нее по уровню культуры, но не разнежилась до такого состояния, как рыцарство Сен-Мари.

– Да, – согласился он, – мы взяли Сен-Мари с легкостью, хотя там доспехи и оружие намного лучше нашего. Надеюсь, здесь с нами такого не случится.

– Не случится, – заверил я. – Культурные люди умеют воевать не хуже дикарей, а то и лучше. Мы это уже показали.

Он церемонно поклонился.

– Ваше высочество, как я понял, вас вон там на террасе дожидается этот, как его... оруженосец Зигфрида.

– Скарлет, – сказал я. – Не прикидывайтесь, что ничего о ней не знаете.

– Ах да, – сказал он и хлопнул себя по лбу. – Скарлет! А я уже и забыл, что это за странный оруженосец. Я всегда забываю такие вещи, ваше высочество.

– За это я вас тоже люблю, граф, – сказал я.

Терраса завалена снегом, слуг не хватает даже для работы на кухне, и Скарлет стоит в этом сверкающем на солнце крошечном почти по колено и, склонившись над парапетом, рассматривает двор внизу.

Вообще-то она всюду старается держаться в тени, я даже не замечаю ее присутствия, не то что шумного и размашистого Зигфрида, однако сейчас вот увидел ее во всем блеске изящного оруженосца благородной крови, то есть в великолепнейшей блестящей кольчуге, что укрывает капюшоном голову, защищает плечи, спину и грудь, руки прячет по самые запястья, а от пояса опускается до колен, а также в новеньких брюках из тонко выделанной кожи и дивно изящных сапожках на едва заметных каблучках.

– Скарлет, – сказал я с удовольствием, – прекрасно смотришься.

Она в нерешительности поклонилась. Это получилось несколько неуклюже, все-таки женщинам это несвойственно, их с детства учат красиво приседать, придерживая с боков края платья сорока различными способами, то растягивая, то приподнимая, оттопыривая то по три пальца с каждой стороны, то лишь грациозно мизинчики, а голову то скромно и стыдливо вниз, то, напротив, запрокидывая и глядя в глаза сюзерену открыто зовущим взглядом готовой к случке самки.

– Спасибо, ваше высочество...

– Говори, – велел я.

Она округлила глаза.

– Ваше высочество?

– Ты что-то хотела сказать, – пояснил я нетерпеливо. – Иначе продолжала бы прятаться.

Она повела взглядом в сторону двери моего кабинета. Я понял, сам распахнул для нее, пропустил вперед и плотно закрыл за собой. Скарлет прошла от двери подальше, повернулась ко мне, лицо бледное, глаза начали трагически расширяться.

Я сказал дружелюбно:

– Скарлет, можешь обращаться первой. Ты не придворная, а на службе. К тому же мы не на парадном приеме, а ты не дама в вот таком платье... хотя и с вот такими.

Она попыталась улыбнуться, но губы так и не сумели потянуться в сторону. Напротив, лицо словно сковало льдом, а страх в глазах стал заметнее.

– Ваше высочество...

– Говори, – подтолкнул я. – Ты чего-то боишься?.. Может быть, сидешь?

Она вздрогнула, судорожно покачала головой из стороны в стороны.

– Н-нет, такое нужно говорить стоя.

– Ты все-таки боишься, – повторил я. – Явно не мечей и стрел... Магии? Кому угрожает? Тебе или Зигфриду?.. Судя по твоему страху, Зигфриду. Вы настоящая пара, редко я видел такую преданность со стороны женщины.

Она покачала головой.

– Не Зигфриду.

– А кому?

– Вам, ваше высочество.

Голос ее прозвучал уже тверже, а взгляд на этот раз прям как туго натянутая тетива. И даже бледность покинула губы, оставшись только на щеках.

– Мне угрожают все время, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал легко, хотя по телу пробежал холодок. – Такая у меня на земле должность! Что-то конкретное?

Она кивнула.

– Да, ваше высочество.

– Говори, – сказал я тише. – Я никому не скажу, разрази меня Господь, как он же когда-то черепаху.

Она сказала шепотом:

– Даже Зигфриду?

– Да, – ответил я. – Даже Зигфриду.

Она огляделась, приблизила ко мне голову, голос ее стал едва слышным:

– Некто... с Той стороны ищет встречи с вами.

– С той, – переспросил я так же тихо, – это какой?.. Со стороны Мунтвига? Это же прекрасно, я предвидел раскол и шатания в их некогда сплоченных рядах.

Она покачала головой.

– Ваше высочество, все гораздо серьезнее. И страшнее.

Я спросил настороженно:

– Тогда кто?.. Маги?.. Те, кто служит Злу?

Она тяжело вздохнула и произнесла так, словно бросилась в ледяную воду с плавающей там снежной крошкой:

– Со стороны противников... самого Господа.

Я вздрогнул, по телу пробежал сильнейший озноб. Кровь отлила от щек, я это ощутил, а ногам стало холодно.

– Значит, ты...

Она прошептала со слезами на глазах:

– Нет! Я не служу Злу... И никогда не служила. Даже магия моя древняя, дохристианская.

– Тогда почему?

Она опустила голову и сказала в пол:

– Однажды... только однажды... я освоила одно заклинание, его называют сатанинским, ибо оно уже от новых черных, которые появились во времена Христа и вели с ним борьбу... Но как мне было иначе? Мой маг-мучитель знал все старые заветы, я могла освободиться только чем-то новым!.. Но я с тех пор, как мой побег удался, никогда больше, клянусь...

Я кивнул, сказал трезво:

– Понятно, одна ниточка есть для связи, для них этого достаточно, чтобы... ну, не руководить тобой, а передать ту весть, которую сами передать не могут. Так?

Она сказала с благодарностью:

– Вы очень хорошо все объяснили!

– Работа такая, – пробормотал я, – все объяснять и формулировать, вот такой я формуляр... или формулятор. Что они хотят?

– Встречи, – прошептала она, плечи передернулись, сказала так же тихо: – Умоляю, не ходите!.. Это опасно.

– Выманивают, – спросил я, – чтобы убить?.. Ты что-то почуяла?

Она сказала с неуверенностью:

– Нет. Напротив, меня уверили, что ничего злого не замышляют. И что вы уйдете обратно целым и невредимым.

Я пожал плечами.

– Ну, силам Зла соврать, что сплунуть. С другой стороны, в некоторых оговоренных случаях слово держать надо, ибо недержание... или несдержанье?.. навредит и тому, кто дает слово. Что сказали конкретно?

– Встреча, – ответила она покорно, – может состояться в полночь или чуть позже, в эту или следующую, на Проклятом Болоте. Это совсем близко от Генгаузгуза, две мили налево по северной дороге. Простите, ваше высочество, но в замок или во дворец они не могут... И вообще в те места, где прошли священники, освящая землю.

– Странно, – проговорил я мрачно. – И подозрительно. Скажу только тебе, иногда меня посещает сам Сатана. И ничего! Поговорим и расходимся.

Она вздрогнула, посмотрела расширенными в ужасе глазами.

– Сам Князь Тьмы?..

Я кивнул.

– Да. В любом месте.

Она с трудом перевела дух.

– Ну, это же сам Князь... к тому же приходит не сам, а по вашему вызову. Это только слабые и лживые люди говорят, что Сатана приходит незваным и совращает! Врут, оправдывая свою слабость и ничтожество. Господь не зря дал человеку свободу выбора, и кто не хочет быть совращенным, тот не совратится.

– погоди, – прервал я. – Раз этот некто не может прийти сюда, как это делает Сатана, он по рангу ниже?

Она вздрогнула.

– Да... Но Сатана, как понимаю, это верховный руководитель, который сам не пытается, не убивает... Ваше высочество, я уже вижу по вашему лицу, что поедете. Умоляю не делать этого! А если поедете, запаситесь всем-всем против сил Зла!

– Против такого Зла, – ответил я медленно, – защитой может быть только одно... Хорошо, сегодня же узнаю, чего от меня хотят в аду.

Глава 3

Она выскользнула за дверь, а я продолжал напряженно разматывать предыдущую мысль насчет того, что встречной дерзкой акцией мы, похоже, остановили натиск Мунтвига. Сейчас он, судя по всему, либо в одной из своих армий, либо где-то собирает новую рать. Однако, несомненно, удар мы ему нанесли если не сокрушительный, то сотрясающий.

Вся его империя содрогнулась, а любители пограбить чужие королевства с ужасом только сейчас начинают соображать, что жертвы почему-то обиделись и сами пришли грабить, а также мстить за обиды и попранное достоинство.

В идеале отыскать бы Мунтвига и покончить с ним одним ударом. И неважно, сколько у него осталось жизней, все осуществимо. Главное, тогда распадется огромная империя, каждое королевство поспешит укреплять кордоны и свою власть, начнут грызться друг с другом, а это то замечательное время, когда приходи и бери их голыми руками.

Сегодня, на третий день с момента захвата Генгаузгуза, впервые организовали совместный пир всех глав похода, а также его участников. И хотя напряжение все еще присутствует не только в городе, но и во дворце, который защищают лучшие воины Макса, однако просто необходимо провести такую показательную акцию для всего Генгаузгуза: захватчики пируют в королевском дворце и уходить не собираются.

Норберт на всякий случай и последних слуг из числа местных услал обслуживать народ в других зданиях дворца, велел перекрыть для них обратно все висячие мостики и переходы, а здесь их обязанности на себя временно приняли ратники Макса, пусть неуклюжие в обслуге, зато свои.

Чтобы поразить местных размахом и щедростью, красным бархатом и прочей тканью красного и алого цвета устлали все лестницы, крыльцо и даже обширный двор перед королевским дворцом. Свечи зажглись везде, где их только можно было приткнуть, так что все залы оказались залиты радостным огнем, словно в летнее солнечное утро.

Везде, куда ни оглянись, взор натывается на золотую и серебряную утварь, на изящные статуи, вывоченные из тайников и выставленные напоказ, на столы и столики из редких пород дерева, и вообще те сокровища, которые Леопольд хранил в казне, а я велел вынести и расставить как в главном зале для пиршеств, так и по дороге к нему.

Я оглядел зал быстро и внимательно, все вроде бы в порядке, за моим столом герцоги Мидль, Клемент, Сулливан, графы Альбрехт и Макс, барон Дарабос... не видно только епископа Геллерия. Как духовному лицу, ему полагается сидеть рядом с правителем светским, однако он предпочел уйти в соседний зал, где накрыты столы для благородных рыцарей ниже рангом, а то и еще дальше, где точно так же веселятся простые конные воины и ратники Макса.

Длинный стол для верховных лордов на небольшом возвышении, остальные уходят от него двумя рядами, покрыты такими же празднично-красными скатертями. Единственное отличие, кроме возвышения, – за нашим столом два кресла отличаются от остальных высокими спинками, что превращает их в троны, на которых обычно сидели король Леопольд и его супруга.

На пирах всегда возникает тайное соперничество, кому где сидеть, потому и установлена строгая иерархия, и хотя я предпочел бы рядом посадить Альбрехта, но место справа принадлежит одному из герцогов, а кому, нужно решить побыстрее, пока они еще не явились... В проеме распахнутой двери, где постоянная теснота из-за шмыгающих взад-вперед гостей, внешне стало чисто, свободно, затем появились в почтительной тишине принц Сандорин, церемонно поддерживающий под локоть принцессу Аскланделлу.

Именно сопровождающий, а не ведущий; ни у кого, уверен, не возникает сомнения, что дочь императора идет сама по своей воле, а весь мир прогибается под ее воздушно-чугунной поступью.

Все мои суставы протестующе закрипели, когда я заставлял себя подняться навстречу, а потом еще и поклонился.

– Ваше высочество...

Она приветствовала меня едва заметным наклоном головы. Сандорину я кивнул, как приятелю.

– Принц, садитесь без церемоний и хватайте, до чего дотянетесь. Как понимаете, вам уже не могу уделить внимание.

Принцесса величественно опустилась в соседнее со мной кресло с высокой спинкой, на котором раньше сидела королева Сакранта. Я перехватил с дальнего конца стола прицельный взгляд Альбрехта, он прищурился и приподнял кулак с бодро оттопыренным кверху большим пальцем.

Я зло сжал челюсти. Со стороны это в самом деле выглядит, как будто на троне король с королевой. Может быть, Аскланделла даже больше королева, чем я король... а что там может быть, точно королева и даже императрица, а я всего лишь полевой вождь, Чингисхан, Аттила, захвативший трон...

Похоже, она в самом деле уверена, что оказывает этим мне великое одолжение, так как по титулу в главном кресле должна сидеть она.

Я сказал очень любезно:

– Вашему высочеству удобно в предоставленных вам покоях?

– Спасибо, принц, – ответила она ровным голосом. – Весьма мило, что вы о такой мелочи вспомнили.

– Какая мелочь, – ответил я еще любезнее, – у вас есть и рост, и плечи, и... все остальное. Совсем не мелкое. А как общее впечатление от Генгаузгуза? Вы в нем уже бывали?

Она как будто и не услышала вопрос, проговорила тем же церемонным, как надлежит разговаривать венценосным особам, голосом, но и в то же время как бы легко, мы же не на приеме, а за пиршественным столом:

– Должна заметить, ваше оружие и доспехи превосходят по качеству изделия мастеров северных стран.

Я милостиво наклонил голову.

– Это точно, ваше императорское.

Она добавила небесно кротко:

– Что, без всякого сомнения, говорит о вашей трусости и желании скрыть недостаток силы и мужества за прочными доспехами.

Я чуть не подавился куском мяса, с трудом проглотил и прохрипел сдавленным голосом:

– Вы правы, ваше высочество. Мы предпочитаем, чтобы красиво и гордо гибли в сражениях наши противники, а мы с победой возвращались к своим женщинам. Можно даже с головами врагов, мы же варвары, нам все можно!.. Вам положить вот эту птичку?

Она поморщилась.

– Нет, положите вон ту.

– Хорошо, – проговорил я сквозь зубы, она ж должна была отказаться, – сейчас положу...

Ух, какая здоровенная! И вы такую слопаete в одиночку? Это же целый лебедь! У вас прекрасный аппетит.

– У вас что-то со зрением, – произнесла она с сочувствием. – Это скворец. Ваше высочество, сражаться в таких доспехах против тех, у кого только мужество и мечи из сырой стали... не совсем достойно.

Я поинтересовался:

– Ваше высочество, а если бы доспехи такой выделки привезли в армию Мунтвига или вашего батюшки... вы уверены, что там бы отказались? Чтобы героичнее совершать безумные подвиги?

Она проигнорировала мой недостойный выпад и занялась жареной птичкой, что хоть и не лебедь, но и не скворец, а по размерам больше похожа на вальдшнепа.

Говор за столами быстро стал похож на грохот морского прибоя. Я улавливал отрывки разговоров о Мунтвиге, Вильгельме, оставленных королевствах Варт Генца, Бриттии, Мезии, кто-то упомянул Сен-Мари, меня как иголкой ткнули прямо в сердце, а еще многие горячо обсуждают варианты будущих осад столицы и какие у нас шансы выстоять.

В зал вкатывали бочонки с вином, а разливали большими ковшами в кубки и чаши. Перед Аскланделлой поставили было кубок из чистого золота, я кивнул слуге, тот моментально примчался с фужером из тончайшего стекла, на которое дажедохнуть страшно, и поставил перед нею.

Она посмотрела с любопытством.

– Ваше высочество?

– Золото идетцвету ваших волос, – ответил я, – но кубок из золотатяжеловат для женской руки. Потому из золотого буду пить я, выказывая мощь моей длани, а вы из этого вот...

Она произнесла в сомнении:

– А не будет ли урона моей чести?

– В чем? – спросил я удивленно.

– Это сотворено не руками человека, – заявила она.

– Но не в аду же, – оскорбленно сказал я. – Там все грубо, уж поверьте!

Она произнесла медленно:

– Поверю. Вы знаете, о чем говорите.

И хотя это прозвучало как комплимент, я что-то в нем засомневался, а когда дошло, как до жирафа, что она имеет в виду, реагировать уже как-то поздно, иначе заслужишь репутацию мудреца, что задним умом крепок.

– Это дар, – договорил я запоздало, – из более... прекрасных сфер.

Она покосилась на мое лицо, в ее глазах странное выражение, где и насмешка, и превосходство, и даже сочувствие, но когда осторожно пригубила вино, на щеках проступил некий румянец.

– Рад, – сказал я с сарказмом, – что вам хоть что-то понравилось.

Она грациозно вскинула брови (зараза, у нее даже это получается грациозно), большие серьезные глазищи оглядели меня с высокомерным изумлением.

– Почему же, – произнесла она неспешно, – мне многое понравилось...

– Например? – спросил я и приготовился услышать хоть что-то приятное.

– Вы прекрасно украсили дворец, – сказала она. – Всю роскошь, что собирали король Леопольд и его предки, выставили наружу и, конечно, на разграбление. Сразу чувствуется, вы сами понимаете, что скоро придется удирать, поджав хвосты. Золото, конечно, постарается забрать, но громоздкую мебель, огромные ковры, статуи, столы из янтаря, колонны из редчайшего мрамора или драгоценного малахита... увы, придется бросить.

Я спросил с любопытством:

– Что, в самом деле можно так подумать?

Она посмотрела с пренебрежением.

– А разве не так?

Я взглядом позвал Норберта, он торопливо поднялся и, обогнув стол, подошел ко мне.

– Ваше высочество?

Я кивнул в сторону Аскланделлы.

– Ее высочество обеспокоена реакцией туземного населения на подобную щедрость. Здесь все скупые и жадные, потому сочтут, что мы собираемся отступить, забрав все ценное, а громоздкое оставить...

Он бросил беглый взгляд на сразу застывшее лицо принцессы, перевел его на пирующих, снова посмотрел на императорскую дочь, на этот раз уже с огромным уважением.

– Сэр, – сказал он с чувством, – ее высочество абсолютно правы. Позвольте немедленно принять меры, пока слухи еще не покинули пределы дворца?

– Действуйте, – сказал я. – Если нужно... то и жестко.

Он поклонился и немедленно исчез, а я повернулся к Аскланделле.

– Спасибо за сотрудничество, ваше высочество.

Она надменно искривила губы.

– Что вы себе такое надумали? Я с вами не сотрудничаю! Вы наглые и грубые враги, подлые захватчики чужих земель!

– Ну да, – согласился я мирно, чувствуя сладость победы, – конечно же, чужие земли может захватывать только Мунтвиг. Да еще, видимо, император Вильгельм.

Она снова вскинула брови.

– Император?.. Император никогда не захватывал чужие земли!

– Почему? – полюбопытствовал я.

– У него их достаточно, – отрезала она.

– Тогда терял? – поинтересовался я. – Мир такой... кто не приобретает, тот теряет.

Она произнесла с поистине императорской небрежностью:

– Он не терял.

– Разве император Вильгельм правит всего неделю? – спросил я. – Как-то мне пришлось слышать о нем... уже давно.

Она посмотрела искоса.

– Не пытайтесь что-то выведать, принц.

Глава 4

Удалой пир я покинул почти в полночь, но едва вышел из здания, во дворе наткнулся на группу всадников в легких и тяжелых доспехах. Вперед выехал Зигфрид и сказал непререкаемым голосом, словно он здесь король, а я вообще неизвестно кто:

– Ваше высочество, отряд сопровождения собран!

Я с тоской оглядел рыцарей; Зигфрид собрал лучших из лучших рыцарей, сотню лучников и двадцать арбалетчиков, а также с полсотни лордов, что считают своим долгом сопровождать сюзерена, куда бы того ни понесло.

– И охота вам ночью, – пробурчал я, а они ответили нестройным хором, что да, охота, еще как охота, они счастливы, с готовностью послужат и отдадут жизни...

От них распространялось мощное облако винных паров, я чуточку успокоился, все-таки не совсем лишил пира, все напротив: и погуляли, и приключение какое-то среди ночи...

Над головой угольно-черное звездное небо, с утра будет морозец, копыта звучно стучат по мерзлой земле, за спиной встревоженно фыркают кони, ночная скачка в темноте дневным животным никак не нравится.

Болото я узнал по тому, что там нет деревьев, а когда подъехали ближе, увидел, как из грязно-желтого льда торчат промерзлые стебли болотных растений.

– Подождите здесь, – велел я.

Палант, возглавивший отряд сопровождения, горячо запротестовал:

– Ваше высочество, мы не можем позволить вам подвергать жизнь опасности...

Граф Андреас Райсборн, один из молодых и амбициозных героев, уточнил учтиво, но твердо:

– В одиночку.

– Да, – подтвердил Палант поспешно, – в одиночку! Позор будет преследовать нас всю жизнь.

– Палант, – сказал я, – про твои сапоги я помню, но, поверь, у меня там личная встреча. Интимная, можно сказать. Потому присутствие даже лучших друзей нежелательно.

Его глаза округлились.

– Ваше высочество... с дамой?

– Да, – ответил я, – с местной. Да завзавидует сэр Растер!

Граф Райсборн только вертел головой, не понимая намеки ни про сапоги Паланта, ни насчет славы Растера, остальные рыцари благоразумно помалкивали.

Арбогастр двинулся по льду, а когда тот тут же проломился под нашим совместным весом, сделал рывок и понесся стрелой, оставляя за собой только хруст и треск.

Из болота часто торчат заросшие травой кочки с промерзшим мхом, кое-где даже выступают, как спины доисторических животных, островки земли, там иначе хрустит под копытами, промерзлая корочка ломается со смачным хрустом, будто прожаренные ломтики хлеба, но холодный воздух дует в лицо, взметывает мелкие колючие снежинки, я чувствую, как иногда бьют в лицо... но так, не слишком; доспех Нимврода дает ощутить, что это снежинки, но защищает даже от их крошечных укулов.

Слева, где гладь грязно-желтого льда, донесся сильный треск, я тут же придержал Зайчика. Под нами качнуло, а в том месте, где трещало, взметнулись жаркие струи воздуха, превращая лед в пар.

Обнажилась широкая впадина с сухой землей, что пошла неприятными трещинами. Со злобным шипением в небо ударил широкий столб багрового пламени. В нем проступила массивная фигура красного гиганта с чудовищно переразвитой мускулатурой и короткими, но массивными рогами по краям головы.

Адский жар превратил воду в пар и выжег болото на десятки ярдов вокруг, но даже, стоя во впадине, красный гигант все равно выше меня, хотя я сижу в седле и на арбогастре.

Багровое пламя исчезло, чудовищный гигант стал зримее и опаснее. Я чувствовал, что такому раздавить меня, что мне муху, и хотя вижу рога, но это все равно хищник с низким лбом и жутко огромной нижней челюстью.

Лик его ужасен, все пороки, какие только можно вообразить, отпечатались на его лице, и, похоже, он этим гордится.

Я сидел не двигаясь, а он как с момента появления в столбе багрового огня вперил в меня ненавидящий взгляд, так и не отводил его, но молчал, не двигался. Я запоздало вспомнил, что это только в рассказах дураков и невежд Сатана, дьявол или простые вампиры могут явиться к человеку незваными и даже войти к нему в дом, на самом деле они даже заговорить не могут первыми, за исключением тех, с кем уже установились какие-то дружеские или приятельские отношения.

– Сэр, – проговорил я, чувствуя, как отчаянно бьется сердце, – меня зовут Ричардом. Я пришел, как понимаю, по вашей просьбе. Надеюсь, вы не предложите мне ничего недостойного, иначе разговор будет тут же окончен.

Гигант тут же ожил, наклонил голову, словно старался рассмотреть такое ничтожное создание получше, а под нависающими костяными утесами толстых надбровных дуг вспыхнули багровые глаза.

– Я Вельзевул, – прогрехотал он таким голосом, что я сразу подумал и о грозовых тучах, и о подземных толчках. – Я... говорить...

Я ответил осторожно:

– Говорите, я как бы слушать.

– Сорок лет назад, – сказал он грохочуще, – я заключил сделку с одним из достаточно известных рыцарей.

– На душу? – спросил я с пониманием.

Он чуть наклонил голову, мне показалось, что это стоит ему такого же усилия, как мне согнуть столетний дуб.

– А что у человека есть еще, кроме души?

– Резонно, – пробормотал я.

– Тогда вы понимаете...

– А в чем проблема? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и не выказал мой страх.

Он ответил тем же грозным голосом, в котором прозвучала с трудом сдерживаемая безумная ярость:

– Он не выполнил условия!

– Не творил зло?

Он мощно качнул огромной башней головы из стороны в сторону.

– Зло творил. Много, что хорошо. Но когда истек срок, не явился!

Мой страх перед чудовищем быстро испарился, я аристократически поморщился.

– А разве можно и не явиться? Насколько я слышал, как только срок заканчивается, черти утаскивают такого без его согласия.

Он прорычал глухо, на этот раз глядя себе под ноги:

– Нашел лазейку в договоре.

– Тогда просто дождитесь его смерти, – посоветовал я свысока с апломбом лорда, привыкшего разрешать конфликтные ситуации простолюдинов. – А там пусть ответит и за непослушание. Договоры исполнять нужно! Тем более, если он рыцарь.

– Нельзя, – ответил он, – по договору он получил бессмертие.

Я охнул:

– Здорово! Ну, шельма... ну и молодец.

Он взглянул исподлобья, маленькие свиные глазки вспыхнули жутким багровым огнем, затем стали от ярости совсем белыми.

– Радуетесь?

– Не без этого, – ответил я скромно.

Он прорычал так же грохочуще, но я уловил нотки отчаяния и того чувства поражения, когда уже все испробовано, однако решения нет.

– Понимаю по вашей торжествующей улыбке, что, дескать, так дьяволу и надо. Кто-то сумел обмануть его – это же прекрасно!..

Я сказал с удовольствием:

– Совершенно верно. Обмануть самого дьявола – разве не подвиг, которым можно хвастаться?

Он переступил с ноги на ногу, и я насторожился, Вельзевул вовсе не прикован к месту, может в один гигантский шаг оказаться рядом и ухватить меня громадной лапой.

– Это как поглядеть, – прорычал он. – Он продолжает убивать и грабить, насиловать и бесчинствовать... разве ваша мораль это оправдывает?

– Ого, – сказал я с сарказмом, – как вижу, вы что-то знаете и о современной морали?

Он оглядел меня из-под низко нависающих скальных выступов надбровных дуг, в глазах впервые появилось нечто похожее на злую насмешку.

– А что, ад заселен одними дураками?

– Ну, – ответил я уклончиво, – там, как догадываюсь, не лучшие люди...

– Как сказать, – отрезал он. – Это в Царство Небесное идут дурачки, нищие и простак, а в аду полно мыслителей, рыцарей, королей... И священники есть... даже высокого ранга. В минуты скуки я часто развлекаюсь беседами с ними... И знаю о всех переменах. Даже о модах слышал, представьте себе.

Я тоже окинул его с головы до ног таким же критическим взглядом. Как-то не вяжется образ этого тупого мясника с словами «мода» и «мораль». Хотя, с другой стороны, за тысячи лет жизни можно чему-то и научиться, думаю. Хотя... не знаю.

Я поторопился сменить тему:

– Почему я?

Он развел громадными руками – такими можно обхватить половину болота, а когтями проткнуть и подцепить на каждый палец по матерому кабану.

– Репутация.

Я переспросил настороженно:

– Что, какая репутация? Меня знают и в аду?

Он посмотрел с сомнением.

– Там говорят, что вы хитры, изворотливы, не слишком разборчивы в средствах... Это верно?

– Кто говорит?

– Те, – ответил он, – кого вы к нам отправили.

И хотя дрожь то и дело пронизывает меня с головы до ног, все же я ответил почти бодро:

– Гнусная клевета! И вообще... значит, я убивал не таких уж невинных овечек!

Он буркнул:

– Насчет овечек не знаю, те идут в другое место, куда нам вход закрыт. Так что, возможно, овечек вы убили даже больше. Но мы обращаемся к вам потому, что барон Вимборн, так зовут этого мерзавца, тоже хитер и весьма изворотлив. Он не посещает те места, где мы в силах появиться, но вы можете.

Я поинтересовался:

– Не скажу, что меня ваше предложение заинтересовало. А еще интересно: как же его убить, если он бессмертен?

Он прорычал нечто настолько лютное, что земля вокруг него вспыхнула белым пламенем, но тут же погасла, оставив широкое кольцо расплавленной магмы.

Арбогастр беспокойно переступил ногами, фыркнул, но не попятился.

Я переспросил:

– Так как?

Он смотрел бешеными глазами.

– Как убить?.. Не знаю. И никто в аду не знает!.. Но его убить нужно.

– Почему?.. Он делает то, что вы одобряете.

Он прорычал:

– Да, но... то, что грабит и убивает, – прекрасно, мы бы так его и оставили, но он обманул...

– Обидно?

– Обидно ли? – повторил он с ревом. – Это оскорбление! Потому он должен попасть в ад, где и заплатит за все самую страшную цену!

– Так верните, – ответил я безмятежно.

Он развел руками, которые я все равно называю лапами.

– Очень не хочется признаваться, сэр Ричард, но мои руки связаны договором. А вот ваши совсем не связаны.

Я поморщился.

– С какой стати я стану делать вашу ищейно-хвотальную работу? Да чтоб я стал помогать аду... да никогда в жизни!

Он тяжело вздохнул, стена прозрачного пламени колыхнулась, и лед с той стороны растаял еще на несколько ярдов, даже превратился в пар. Запах серы стал сильнее и заметно щеко-тал ноздри.

– Значит, – прорычал он с гневом, – барон Вимборн будет убивать и грабить, упиваясь безнаказанностью. Особенно он любит сдирать кожу живьем с молодых женщин...

– Женщин? – переспросил я невольно. – Молодых? Мужчин, да еще сакрантцев, еще можно, но женщин... мерзавец! Женщины все наши. Это посягивание на права! Наши законные права.

Он спросил хмуро:

– Тогда, может быть... хотя бы за женщин?

Я ответил почти тем же злобным рычанием:

– Сэр Вельзевул, это нечестный прием!

– Да, – согласился он, – но хорош?..

– Низвержение в ад сделало вас политиком?

Он рыкнул:

– А что сделало им вас?

– Тоже ад, – огрызнулся я. – Думаете, у нас намного лучше?.. Что ж, все в этом мире делается для этих дур, да, думаю, в аду тоже... Но вы мне так ничем и не поможете?

Он развел руками.

– Если совсем уж правду... то в этом случае помог бы. Да только нечем. Барон Вимборн для нас оказался недосягаемым.

Я пробормотал:

– Хорошо, подумаю. Но ничего не обещаю!.. Где его земли?

– Далековато, – ответил он, – но не для вашего коня. Да-да, я знаю. Не больше двухсот миль. Даже меньше.

– В какую сторону?

– На запад, – сказал он. – Там справа будет такая горная цепь, не очень и высокая, но гребень похож на скелет допотопного зверя... Его ни с чем не спутать. Замок барона как раз напротив второго шипа, считая с запада.

– Ничего не обещаю, – предупредил я.

Он выпрямился, будто на плечи давила вся земная твердь, а теперь снова на месте, проговорил так же грохочуще, но уже без обреченности в голосе:

– Хорошо. Это уже что-то...

Ноги его начали погружаться в кипящую магму. Я ожидал, что так пойдет и дальше, пока властелин ада не скроется целиком, но вокруг него коротко вспыхнуло яростное пламя, он исчез разом, будто никогда здесь и не было, только остался быстро исчезающий аромат серы.

Во впадину хлынули желтые смрадные воды болота. Арбогастр брезгливо фыркнул, попятился. Копыта его начали погружаться в грязь, он отступил еще, оглянулся на меня.

Я зябко передернул плечами и сказал хриплым голосом:

– Возвращаемся.

Глава 5

Меня встретили встревоженными, но понимающими взглядами. Похоже, за время моего отсутствия Палант успел рассказать о Растере и его особой репутации, потому на меня и смотрели несколько странно, хотя и восторженно.

Палант воскликнул с восторгом:

– А какой там столб света ударил, ваше высочество!.. Самого неба достиг, точно!..

– А в конце, – мечтательно сказал граф Райсборн, – вообще взрыв адского пламени, словно проснулся вулкан, ваше высочество!.. Это весьма, это запоминательно...

Я чувствовал с досадой, что обо мне могут пойти слухи еще более причудливые, чем о Растере, тем более что никто ничего не видел, придумывать можно все.

– Возвращаемся, – велел я коротко. – Благодарю за службу, друзья! Всегда приятно возвращаться в той же теплой компании.

Все мгновенно взвеселились, короткая прогулка по морозному воздуху чуточку выветрила хмель, но только чуточку, а дикарское веселье продолжает бушевать и требовать выхода.

Палант спросил бодро:

– Продолжим пир?

– Конечно, – ответил я, – а как же!.. Вся наша жизнь либо пир, либо ожидание пира.

Они с грохотом пронеслись к воротам, там нас осмотрели сверху внимательно, как стражи, так и священники с алхимиками, вдруг да нечто под личинами, ворота распахнулись, и мы победно ворвались в город.

Я продолжал думать о странной просьбе Вельзевула. Первой мыслью было, конечно же, отбросить это дикое предложение и вообще забыть об этой встрече, хотя теперь ничего не забываю, или просто не вспоминать, других дел хватает.

С другой стороны, если уж совсем честно, даже самые демократические страны вынуждены сотрудничать с самыми жестокими и бесчеловечными режимами. Не только тайно, но даже явно. Все-таки живем на одной планете и бывают проблемы, что затрагивают всех, будь то природные катастрофы или спасение утопающих.

А появление барона Вимборна можно рассматривать как природную катастрофу местного масштаба, которая вредит всем.

Счастливые странным приключением на зимнем болоте, рыцари отправились пировать с новыми силами, аппетит за время прогулки нагуляли отменный, я сказал, что приду, возможно, попозже.

По дороге к королевским покоям меня перехватил Альбрехт, всмотрелся очень внимательно:

– Все в порядке, ваше высочество?

– Нет, – огрызнулся я, – но что это меняет?..

– Да я просто спросил, – пояснил он, защищаясь. – Вежливый я. А так мне все равно, что там у вас в порядке, а что нет.

– Порядок, – сказал я зло, – будет только в Царстве Небесном. Да и то... пока нас там нет. А у вас?

– А у меня порядок, – заявил он с апломбом. – Только не везде, не во всем и не всегда, а так вообще-то жить можно. Ваше высочество, хотел бы уточнить ряд вопросов...

– Понятно, – определил я, – работать не хочется.

– Как не хочется, – воскликнул он, – весь горю от некой странной жажды, как бы поработать еще где! Вот у меня сейчас к вам только те вопросы, которые не в моей юрисдикции. Например, что с теми тремя принцессами, дочерьми короля Леопольда? Будем ли устанавливать какие-то отношения с императором Вильгельмом? Каков статус конкубины?

Я посмотрел на него исподлюбья и с подозрением.

– Пойдемте в кабинет, граф. Не хочу задавать вам трепку при всех.

Он вздохнул и с самым сокрушенным видом развел руками, а я по дороге в покои короля вспомнил, что за суматохой текучки все никак не могу выбрать времени повидаться снова с дочерьми короля Леопольда, только и распорядился держать их взаперти в собственных покоях, кормить и не обижать, что значит оставить в покое до моих новых распоряжений.

В кабинете Альбрехт опустил в кресло, едва я указал взглядом, чтобы без всяких шуточек насчет моего величества, и устремил на меня вопрошающий взгляд.

– Трепку? – спросил он.

– Ну да, – отрезал я. – Что-то у вас все непонятки... женские. С женщинами связанные.

– Император не женщина, – напомнил он.

– Но устанавливать связи, – сказал я едко, – возжелали из-за Аскланделлы? До этого и мыслей таких не было?..

– Это высокая дипломатия, – возразил он. – Нам в загребущие попала драгоценность, почему не использовать?

– Какие-то странные у вас желания, – сказал я с холодком. – Пусть эту драгоценность использует ее муж.

– Я говорил о ситуации, – вставил он быстро. – Ее использовать!

– Рано, – отрезал я. – Не до Вильгельма пока. Надо разобраться с тем, что прямо шас сыплется на голову.

– Гм, – произнес он, – а что с конкубиной?

Я посмотрел с понятным неудовольствием, но не ответишь же, что не его собачье дело, у правителя даже личные дела не личные, если затрагивают интересы общества герцогов и графов, а также части баронов.

– А что вам непонятно?

– Ну... в первую очередь, – пояснил он смиренно, – как относиться нам. Ваши мотивы понять даже не стараемся, ваше высочество...

Я ощутил в его словах нечто большее, чем шуточку. Приближенные всегда должны понимать своего сюзерена или считать, что понимают, иначе наметится опасная трещина, что имеет тенденцию расширяться.

– Это конкубина Леопольда, – напомнил я. – Мы все сейчас стараемся создать у местного населения какое впечатление? Правильно, изменился только правитель, а так все идет по-прежнему.

Он сказал с сомнением:

– Значит, когда наши священники заставляют всех креститься слева направо и посылают на костер тех, кто упорно крестится справа налево... это они поддерживают прежний стиль жизни?

Я поморщился, быстро зыркнул по сторонам, словно мы еще в людном зале, и сказал тихо:

– Вам, граф, и только вам скажу по большому секрету: мне абсолютно неважно, с какого плеча начинают налагать крест, как и то, тремя пальцами или двумя... да-да, есть и такие христиане!.. Но церковь столь могучая сила, что она должна идти с нами, а не против нас.

Он посмотрел странно:

– А не мы с церковью?

– Граф, – сказал я осторожно, даже с Альбрехтом нельзя позволить себе полную откровенность, – церковь занимается душой человека, а мы живем в телесном мире, не так ли?

– Так, – согласился он. – Это я к тому, что здесь тоже церковь.

Я вздохнул.

– Да. Но это неправильная церковь. Чем? Да тем, что апостольская слабее по своей сути. Не просто слабее, а намного, очень намного!.. Народ ее не уважает, над попами смеется... Вот вам старый анекдот. Один сакрантец зовет другого: «Эй, пойдем в церковь!» Тот отвечает: «Не пойду, после дождя такая лужа прямо перед домом, не выйти...» А тот снова: «Тогда пойдем в кабак!..» А второй: «Ну-у, разве что по самому краешку...»

Альбрехт коротко хохотнул, глаза его живо и весело блеснули.

– Сегодня Норберт рассказал, как самый свежий. Ладно-ладно, понял, такое не стоит и стараться понять. Значит, особого сопротивления не ждать?

– Отдать жизнь за апостольскую церковь, – сказал я, – готовы единицы совсем уж фанатиков, а за римскую поднимутся все... или почти все. Наша помощь епископу Геллерию и его священникам почти не понадобится.

Он сказал осторожно:

– А если местным священникам напоминать почаще, что римская церковь не подчиняется светской власти?

– Правильно роете, граф, – сказал я с воодушевлением, – хотя графы вроде бы не роющие?.. Священники – тоже как бы люди, особенно апостольские, у них и семьи, и дочери на выданье, и коровы в хлеву... Они тоже хотят большей независимости и большей власти. Я имею в виду священников.

Он кивнул с самым деловым видом.

– Значит, начнем переманивать... А насчет конкубины, просто кланяться и не обращать внимания?

Я ответил тихо:

– Девочка очень грамотная, понимает, что запрашивать много рискованно. Потому сама не высунется из норки, пока властелин не позовет. Вот пусть и сидит там, а дальше будет видно. Она конкубина короля Леопольда, не так ли?

– Да, ваше высочество.

– Ну вот, переходной период потому так и называется, что переходит, проходит и где-то исчезает в туманной дали, уступая чему-то постоянному и временно твердому, солидному.

– Чему?

– Пока не знаю, – ответил я сердито.

– Понятно, – сказал он. – Спешу доложить, жизнь в городе налаживается. Перед вашим возвращением примчался гонец, завтра из сел придут первые обозы с продовольствием.

– Наши награбили?

Он пояснил с удовольствием:

– Нет, крестьяне сами привезут. Правда, цены задрали до небес...

– Все правильно, – оборвал я. – Плата за риск, они ж первые. Платите! Завтра цены пойдут вниз, другие тоже возжелают заработать.

Он поднялся, коротко поклонился.

– Сэр Ричард...

– Сэр Альбрехт, – ответил я.

После его ухода слуга, в котором я узнал одного из людей Норберта, принес охапку березовых поленьев, уже заботливо расколотых пополам, но не мельче, а то слишком быстро прогорят, сразу пахнуло лесом, поинтересовался почтительно:

– Какие указания на ночь, ваше высочество?..

– Подбрось дровишек в камин, – ответил я. – А разденусь сам, я все еще в походе, как догадываешься.

Он сдержанно улыбнулся.

– Все мы в походе. Какие-нибудь особые указания?

Я вспомнил надменное и полное спеси лицо Аскланделлы, высокомерный взгляд из-под слегка приспущенных ресниц, сказал хмуро:

– Где-то здесь покои леди Ялиссы. Приведи.

Он поклонился и молча исчез.

Конкубина, судя по тому, что переступила порог через несколько минут, либо всегда готова к вызову, либо ее покои где-то совсем близко.

Впрочем, на ней плащ с надвинутым на лицо капюшоном, умница, дает мне возможность пока скрывать ее, не спешит демонстрировать свою близость к новому повелителю.

Я сдвинул капюшон ей на затылок, обнажая уже распущенные волосы рыжевато-красного цвета. Она подняла лицо, по-детски чистое и ясное, нежный румянец разгорается все ярче, словно я снял не капюшон, а обнажил ее всю.

– Ого, – сказал я с удовольствием, – у тебя под плащом только ночная рубашка?... Ладно, сбрасывай и ее, потом марш под одеяло!

Она улыбнулась, на щеках появились умильные ямочки.

– Ваше высочество...

Рано утром я облачился потеплее, чтобы никаких подозрений, арбогастр приветствовал меня довольным фырканьем. Стражи во дворе сразу заволновались, один прокричал:

– Ваше высочество!.. А вы не забыли, что мы в чужом городе?

– Ошибаетесь, – возразил я весело. – Этот город – наш!

В окне флигеля мелькнуло женское лицо, но тут же исчезло. Кто там, я рассмотреть не сумел, но, насколько помню, примерно там разместили принцессу Аскланделлу.

Ага, теперь начнет обвинять меня в захватничестве. Если слышала, конечно. Да ладно, кто из нас не захватчик, все что-нибудь да захватываем, утверждаемся и самоутверждаемся. Без этого вообще не возникло бы человечества, а было бы какое-нибудь муравьечество... лет еще миллионов через сто, муравьи не особенно и спешат, вся эволюция впереди.

Город в самом деле тих и подавлен, как и его окрестности. Чересчур молниеносный и жестокий захват столицы посеял панику и разговоры, что пришельцы с коварного Юга истребляют всех, в ком хотя бы заподозрят попытку к сопротивлению, – узнаю работу Альбрехта. Потому везде все тихо, а местные спешат обратиться с дороги.

Арбогастр мчится, не выбирая дороги, разве что леса и горы обходит стороной, но и тогда недовольно фыркает, выражая готовность снести их напроочь, а за нами тянется длинный хвост снежной бури, что намного красочнее пыльного облака.

Двести миль на запад, пусть даже немногим меньше, это уже королевство Мордант, но Вельзевул вряд ли знает такие мелочи, да и к чему они ему, у него в аду территории наверняка побольше, да и явно перенаселено, судя по нашему образу жизни...

Когда проскакивали через рощи и перелески, где деревья стоят редко, с потревоженных веток срываются пласты снега, но обрушиваются на землю далеко за нами, там все в снежной пелене, словно в неистовом снегопаде...

Впереди появилась и начала приближаться небольшая горная цепь. Сердце мое тревожно застучало, вон те удивительно тонкие и заостренные горы, издали похоже на гребень исполинского чудовища.

Я взял левее, впереди возник и пронесся мимо замок, но этот расположен примерно напротив первого пика, промчались покрытые снегом крыши домов двух сел, небольшого города, пустое пространство пашен и лугов...

Вон он, замок, почти напротив второго шипа, как сказал властелин ада! В самом деле больше похож на шип, чем на пик, не такой высокий и намного шире, хоть и с заостренной вершиной, похожей на исполинский наконечник стрелы.

Я придержал арбогастра, он рассматривает замок барона Вимборна почти с таким же вниманием, как и я. Возведен из серого камня, из-за чего выглядит простой облагороженной скалой, массивная и достаточно высокая башня с зубцами переходит в такой же серый и широкий донжон, вокруг на десятки ярдов широкий двор без следов построек, ничего лишнего, никаких украшений.

Еще одна башня на самом краю двора, тонкая и высокая, явно для наблюдений, а от нее зачем-то каменная стена к донжону, словно некто начал строить защитную стену, а потом передумал.

Вчера выпал снег, но дворня усердно вычистила до каменных плит, лишь за пределами двора белые горы с желтыми пятнами, да узкая дорога ведет в сторону леса.

На колокольне звонят в колокола, на расчищенном от снега дворе чернеют большие бочки с вином. Люди в доспехах веселятся, а когда я подъехал ближе, увидел трех полуголых молодых женщин, которых пьяные солдаты пинками поднимают с кучи хвороста и заставляют плясать.

Я услышал горестный и безнадежный плач, ярость моментально вскипела так бурно, что я на мгновение задохнулся, затем ощутил на ладони рукоять запрыгнувшего туда в ответ на мой зов меча.

Арбогастр все понял, из галопа перешел в нечто немыслимое, двор надвинулся моментально, я начал дико рубить эти тупые пьяные рожи, кровь моментально запятнала каменные плиты.

Раздались испуганные крики:

– Это кто?

– Бейте его!

– Спасайтесь, это сам дьявол!

– У кого арбалет, у кого арбалет?

Я носился по двору и неистово рубил и рубил, за это время дважды ощутил едва слышные толчки, а потом увидел два арбалетных болта на снегу.

Арбалетчик торопливо карабкался по ступенькам почему-то на четвереньках, но на самом верху, уже на стене, выпрямился и оглянулся на меня со страхом и ненавистью.

– Тварь, – процедил я.

Стрела Арианта ударила его в переносицу и пробила череп так, что между глаз осталось торчать только белое перо.

Сраженный даже не вскинул руки тем характерным жестом, когда хватаются за пораженное место, молча рухнул во двор, а там ударился о камни плит и распластался, как раздавленная колесом лягушка.

Все три женщины испуганно вскрикнули, одна заплакала еще горше, как плачут несправедливо обиженные дети.

Я взглянул на ее юное лицо с распухшими губами и огромным кровоподтеком под левым глазом.

– Не отчаивайтесь, сестры! – крикнул я. – Теперь о вас знают!.. И вас освободят!

Двери донжона распахнулись, выскочили двое стражей, а ними быстро вышел крупными шагами мужчина в теплой одежде, чуть за сорок, самый расцвет мужской силы, крупный и широкий в плечах, за плечами красный плащ, скрепленный на груди большим рубином в массивной золотой оправе.

Огромное лицо дышит важностью, спесью и гордыней, грудь широка, весь словно вырублен из гранитной глыбы, которой лишь слегка придали человеческие очертания, не заботясь о мелочах.

Несмотря на бешенство, я дрогнул и торопливо наложил на тетиву новую стрелу. Он двигается в мою сторону быстро, несмотря на всю свою громоздкость, взгляд прикован к моему лицу.

– Кто такой? – прорычал он. – Как посмел?

Я торопливо натянул тетиву. Барон был уже шагах в пяти, когда я отпустил кончик стрелы. Не желая рисковать, я нацелил ее прямо в его левый глаз и отчетливо видел, как стальное острие ударило точно в середину.

И... стрела отлетела в сторону. Барон все так же смотрел на меня немигающе, на губах появилась торжествующая улыбка.

– Смертный, – проговорил он со вкусом, – смертный... человечешко...

Я заорал:

– А ты кто?

– Бессмертный, – с удовольствием ответил он и даже остановился, любуясь моим потрясением. – А вот ты, мелкая букашка...

Я молниеносно выхватил меч, арбогастр сделал скачок, я обрушил тяжелый клинок на непокрытую голову. Удар едва не вывернул мне кисть. Нечто непостижимое отбросило лезвие с такой мощью, что я с трудом удержал рукоять.

Арбогастр с готовностью развернулся для нового удара, но барон уже сам неспешно двигается ко мне, голова чуть наклонена, взгляд стал прицельным, а шаги начинают убыстряться с каждым шагом.

– Прочь! – заорал я. – Зайчик...

Ветер засвистел в ушах, а когда я рискнул оглянуться, даже замок на горизонте совсем крохотный продолжал уменьшаться. Если барон и гнался за мной, то совсем недолго.

Как хорошо, мелькнула стыдливая мысль, никто не видит. По мнению моих рыцарей, я не должен падать до такого неслыханного позора, как отступление. Это лишь по моему мнению, кто убежал – тот может и вернуться, в отличие от погибшего, пусть даже очень красиво, возвышенно и доблестно.

Арбогастр перешел на шаг, я сперва удивился, потом сообразил, что он откликается на мое невысказанное вслух решение, еще даже не оформленное, но уже почти принятое.

Надо попытаться еще. Мне показалось, губы барона шелохнулись, когда я вскидывал лук и натягивал тетиву. А это значит, мог успеть произнести заклятие неуязвимости.

Однако это не значит, что подобная неуязвимость длится долго. Ничто не дается даром: либо неуязвимость всего на несколько минут, либо должна высасывать из него все силы, а на это непохоже, стоит вспомнить его цветущий вид.

– Разворачиваемся, – сказал я. – Зайчик... давай обратно, только теперь не прямо во двор.

Глава 6

Арбогастр фыркнул, мол, любая засада нам нипочем, однако понесся сперва по своим следам, затем чуть левее, где в прошлый раз я заметил довольно высокую и крутую гряду.

Барон уже на коне, выехал со двора, не обращая внимания на разбросанные трупы. Дворня утаскивает их через снежные завалы к ближайшему оврагу, женщин увели в помещение, а щедро пролитую кровь засыпают снегом.

Вряд ли барона тревожит вид крови, но ее пугаются лошади, так что все объяснимо и правильно.

Я проследил за ним взглядом: направляется в сторону ближайшего села, что тоже понятно и объяснимо. Его вооруженную охрану замка я порубил, нужно срочно набрать новых крепких, сильных мужчин, способных управляться с оружием.

Лук Арианта с готовностью лег в мои руки, и пока барон неспешно едет, чуть покачиваясь в седле, я наложил стрелу, цель достаточно заметная, взял на прицел сперва лицо, потом взглянул на грудь, прикрытую толстой тканью обычного жилета, пусть и богато украшенного золотыми нитями.

Когда конь барона повернул на повороте и оказался ко мне мордой, позиция куда уж успешнее, я резко натянул тетиву и, держа взглядом левую половину груди барона, отпустил кончик стрелы.

На солнце коротко блеснула искорка, это соскочил крохотный зайчик с острейшего наколеника. Барон даже не вздрогнул, но чем-то заинтересовался, придержал коня.

Стрела, как я сам видел, просто исчезла, барон все так же невредим, даже не ранен. Сейчас вертит головой, словно даже не понял, что его старались подстрелить, наконец вскинул голову и увидел нас с арбогастром на косогоре.

Я услышал его крик:

– Кто?.. А ну, иди сюда!.. Ты тот самый?

– Шас, – ответил я вполголоса. – Вот прям так все брошу и приду. Зайчик, давай деру...

Голос мой, судя по реакции Зайчика, дрожит, потому что обеспокоенный арбогастр рванулся с такой скоростью, что меня едва не переломило в позвоночнике.

Значит, стучало в голове, дело не в заклинаниях. Он в самом деле неуязвим, даже святые стрелы не действуют. Они против нечисти хороши особенно, однако барон Вимборн человек, хоть и продал душу дьяволу...

Можно попытаться с арбалетными болтами моего малого арбалета, их мощь чудовищна, однако, думаю, получится то же самое. Если бы дело было в простой регенерации, пусть и сверхбыстрой, красная стрела решила бы проблему, она разносит жертву на мелкие кусочки и разбрасывает так, что никакая сила не соберет воедино... ну, думаю, не соберет. Однако барон достиг бессмертия более простым, хоть и продвинутым способом, ставши неуязвимым не только для старости и болезней, но и для всех видов оружия.

Я напомнил себе зло, что вообще-то есть способы, пусть большинство из них чисто теоретические; к примеру, можно обрушить на него гору, он останется жив, но никогда из-под нее не выберется. Разве что через полмиллиарда лет гора рассыплется в песок.

Или для верности заманить в ущелье, а там обрушить лавину камней. Хоть и трудно, но осуществимо. Это тоже на века и даже тысячелетия.

Правда, это не казнь, а просто помещение на время, близкое к вечности, в одиночную и очень тесную камеру. Предельно тесную. Но не казнь, за которой последует суд. Вот такой парадокс, сперва казнь, потом суд, а затем отбывание наказания в аду.

Через полупустой Генгаузгуз я проскочил на большой скорости, местные все еще выходят на улицы только по необходимости, вдруг да захватчики сорвутся с цепи и начнут бесчинство-

вать, как рассказывали священники; стража вокруг дворца приветствовала воинственно-ликующими воплями.

Во дворе навстречу с готовностью бросились слуги. Один закричал весело:

– Ваше высочество, я держу его, держу!

Арбогастр сделал вид, что да, его держат, а я соскочил и двинулся в соседнее здание, где обычно размещали высоких гостей короля.

Здесь, как и в главном здании, дворец все еще больше замок, чем дворец, те же массивные стены, залы широкие и низкие, лестницы тоже широкие, громоздкие, все из камня, вообще ощущение такое, что вырублено из цельных глыб. На некоторых красные ковровые дорожки, другие угрюмо смотрят голым камнем, перила широкие, можно скатываться лежа на спине.

Кроме многочисленной стражи полно монахов, я услышал разговор двух проходивших в сторонке:

– Брат мой, нам всем нужно знать, кому доверять в этой стране еретиков!

Второй пробубнил с тоской:

– Нам всем нужно знать, кому доверять вообще в этом странном непонятном мире...

Какой-то системы в расположении залов я не увидел, в разных одинаковые рыцарские доспехи, всевозможное оружие на стенах, чего не увидишь в королевских дворцах Сен-Мари или Вестготии, огромные головы медведей, снежных барсов и совсем уж редких зверей, имен которых я не знал, но выглядевших устрашающе.

Слуг почти не видно, зато священники и монахи попадаются на каждом шагу.

– Ваше высочество...

– Ваше высочество?

– Все в порядке, – объяснял я по дороге. – Могу же возалкать духовной пищи?.. Припасть к истокам?.. И вообще как бы?

– Ваше высочество, – сказал один, – его преосвященство сейчас изволит молиться в часовне.

Я спросил настороженно:

– По мне видно, что иду к епископу?

Он ответил деликатно:

– Не пойдет же принц к простому священнику вроде меня?

Я взглянул на него внимательнее.

– А это зависит. Если будешь что-то значить, к тебе будут ходить и короли. А где та часовня?

– Желаете, – спросил он, – чтобы я проводил ваше высочество?

– Да, – изволил я. – Веди.

У двери часовни монах с толстой книгой в руках задрал очи к своду, губы что-то шепчут, но едва завидел нас, загородил дорогу. Мой монах поклонился и тотчас же попятился, а священник обратил в мою сторону бледный лик с покрасневшими от ночных бдений глазами.

– Его преосвященство сейчас молится в часовне, – сказал он твердо и добавил с неловкостью: – Подождите чуть, ваше высочество. Епископ вот-вот закончит.

Я сказал с одобрением:

– Короткие молитвы лучше длинных.

Он взглянул на меня искоса:

– Он молился все ночь.

– Ого, – сказал я с неловкостью, – тогда мне кажется, его преосвященство что-то скрывает.

Священник посмотрел на меня с иронией.

– А вам точно скрывать нечего?

И ушел, как Пилат от Христа, не дожидаясь ответа. Я хмуро смотрел вслед. Не люблю, когда последнее слово не за мной, однако, с другой стороны, что я мог ответить?

За дверью слышались шаги, скрипнули плохо смазанные петли. Геллерий, еще не отойдя после беседы с Богом, вышел бледный, изможденный, явно взволнованный, на меня посмотрел без всякого интереса.

Обычно мы отделяемся формальными приветствиями, и хотя он хорош, непримирим и очень силен, но я словно бы храню верность отцу Дитриху, потому больше ни с кем из лиц духовного звания не схожусь слишком уж близко и, конечно, не откровенничаю.

Он произнес с едва уловимым поклоном – не покорности, конечно, а элементарной вежливости:

– Ваше высочество...

– Ваше преосвященство?

– Ваше высочество, – поинтересовался он, – чем обязан столь высокому визиту?... Давайте зайдем вот в эту келью...

Зал, в который он меня ввел, мало похож на келью, но я кивнул, соглашаясь, что да, по обстановке это почти келья.

– Присядете? – сказал он. – Хотя у нас тут простые лавки.

– С удовольствием, – ответил я, – даже лавки удобнее седла, которое то и дело подпрыгивает, а то и вовсе пытается сбросить узурпатора.

Он с неподвижным лицом смотрел, как я сажусь, расставляю ноги, это чтобы ощутить себя по-хозяйски, все мы нуждаемся в чувстве уверенности, затем сам медленно опустился напротив на простую деревенскую лавку, только и всех удобств, что оструганную.

– Слушаю вас, ваше высочество.

Я постарался укрепиться духом, никто не должен чувствовать мой страх и мою растерянность, проговорил почти легкомысленным тоном:

– Как прошла беседа с Господом Богом?

– Я просто просил дать мне силы, – ответил он сумрачно. – И вразумить, как действовать в стране, что вся населена еретиками.

Я ответил осторожно:

– Кто надеется только на Бога, того он наказывает за легкоеверие. Бог думает о нас. Но он не думает за нас.

– Я не спрашивал у Господа, – сказал он, – как мне поступить. Но когда излагаешь свои доводы не другому человеку, а Господу, сам начинаешь смотреть на них несколько иначе. И видеть то, что не увидел бы, рассказывая даже лучшему другу.

– Да, – согласился я, – все мы что-то да весьма приукрашиваем, а когда излагаем Господу, то привираем совсем немножко. Это да, вы правы, ваше преосвященство. Может быть, срывается наглядное сравнение? Местное население увидит преимущества нашей жизни, высокий достаток, лучшую одежду, прекрасной выделки сапоги, здесь таких не делают, не говоря уже о наших доспехах, оружии, великолепных конях, упряжи... а повозки на рессорах?

Он вздохнул, покачал головой, лицо помрачнело.

– Не пойдет, – ответил он кратко. – Вера невосприимчива к фактам и уступает только другой вере.

Я взглянул на него в некотором удивлении: а Геллерий еще и умен... Впрочем, он же не сельский попик, а епископ, дураки так высоко не пробиваются.

– Жаль, – сказал я, – но, уверен, вы сумеете доказать, что и вера наша лучше.

Он кивнул, посмотрел на меня уже очистившимися глазами, взгляд стал острым.

– Ваше высочество, вас привели ко мне не вопросы веры?

– Увы, – ответил я сокрушенно, – хотел бы я заниматься только высокими вопросами, как вот вы, но приходится идти по жизни, сжимая в руке не крест, а меч. У меня несколько

необычный вопрос, ваше преосвященство... Чем можно убить человека, который сам по себе бессмертен?

Его брови полезли вверх, а взгляд стал еще острее.

– Ваше высочество?

– В буквальном смысле, – пояснил я. – Убить человека... в смысле, убить его тело. На душу я не посягаю, это дело... гм... Господа.

Он уловил мою заминку, но не придал ей значения, не сводил с меня пронизывающего взора.

– Поясните свои слова, ваше высочество... Что значит бессмертен?

– А то и значит, – ответил я сокрушенно. – Я, собственно, ничего не имею против бессмертия, это и обещал нам Господь... ну, там далеко, в Царстве Небесном, однако уже сейчас по земле бродит один великий грешник. Даже величайший.

– Агасфер? – переспросил он и, видя недоумение на моем лице, пояснил: – Вечный Жид, некогда оскорбивший Христа и теперь дожидаящийся его возвращения, чтобы испросить прощения.

Я отмахнулся.

– Да тот пусть ходит, он не вредит, сам мучается, а это хорошо, когда другие мучаются, а не мы, они равновесие поддерживают для нас. А вот что барон Вимборн бессмертен и неуязвим, это не зело. Мерзавец упивается властью, мучает людей, наслаждается зрелищем их казней...

Он пробормотал:

– И такой человек обрел бессмертие? Это меняет дело... Он может нанести много вреда людям.

– Уже наносит, – сообщил я. – И нанесет еще больше.

Он уточнил:

– Целым народам.

Я вздохнул.

– Он может сделать намного хуже.

– Что, ваше высочество?

– Он может подпортить мою репутацию, – пояснил я. – Якобы не могу справиться.

Он посмотрел на меня несколько странно, но ничего не ответил, только покачал головой.

– Молитесь, сын мой, – произнес он после долгой паузы со скорбью в голосе. – Господь услышит вашу молитву.

– А ответит?

Он пожал плечами.

– Обязательно... но мы не всегда понимаем, что это и был его ответ. Неисповедимы пути Господни, так и его замыслы. Мы вообще не догадываемся, какие у него планы насчет всего человечества.

Я ответил кисло:

– Спасибо, ваше преосвященство. Но я предпочел бы от Господа ответ попонятнее. Думаю, если лишить жизни барона Вимборна, это и будет волей Господа, да только как?

Геллерий задумался совсем уж надолго, лицо стало очень озабоченным, перекрестился с усердием.

– Мало у нас своих трудностей, – пробормотал он. – Неуязвимый злодей, гм... Это Норберт о нем узнал?

Я ответил уклончиво:

– Не совсем. Его... опередили.

– Интересно, – сказал он отстраненно, – кто же это? Обычно Норберт собирает все данные еще до того, как что-то случится.

Я скупно улыбнулся.

– Да, ваше преосвященство, с Норбертом редко бывает, чтобы кто-то его опередил. Так что подскажите?

Он покачал головой.

– Ваше высочество, мои умения лежат... в области воздействия на массы воинов. Я не силен в одиночных схватках...

– Полноте, – возразил я, – мне приходилось видеть, как вы одним словом уничтожали нечисть, а нежить при одном вашем появлении превращается в слизь и пропадает.

– То была слабая нечисть, – пояснил он. – Вообще-то я не боец и плохо знаю, как сражаться с главными демонами... или даже просто могучими.

Я с досадой ударил кулаком по столу.

– Но Вимборна нужно остановить!.. Он сеет ужас своей неуязвимостью. Аппетиты его быстро растут. Пока что он наслаждается полной свободой грабить и насиловать, но если ему вздумается захватить власть и стать королем?

– Прольются реки крови, – пробормотал он. – Это... недопустимо. Господь такое не допустит.

– Господь и не такое допускал, – ответил я с досадой, заметил испуг в его глазах и уточнил благочестиво: – Разумеется, чтобы то ли наказать нас, то ли не дать возлежать на лаврах. Потому мы должны сами. Ковчег Ною не Господь строил!

Он некоторое время вздыхал и мялся, лицо стало совсем желтым, наконец сказал с неохотой:

– В вечночерном лесу, что в королевстве Аганд, живет аскет... Говорят, он знает все. И у него есть ответы.

– Тоже на все? – спросил я с придыханием.

– Так говорят, – подтвердил он. – Однако есть трудность...

– Еще бы, – сказал я с тоской. – Хотя бы что-то досталось мне без трудностей!

– Значит, – сказал он строго, – Господь вас замечает и к чему-то готовит. Кто ему неинтересен, того не нагружает и того не испытывает... В общем, к тому аскету практически нет дороги. А если и есть, то ее не находят. А самое главное, он редко отвечает даже тем, кто проявил чудеса доблести и все-таки добрался и узрел его воочию.

– Час от часу не легче, – сказал я упавшим голосом. – Аганд, вечнозеленый лес...

– Вечночерный, – напомнил он. – Да, такой там лес. На северо-западе.

– А как находят аскета?

Он пожал плечами.

– Кто-то амулетом, кто-то талисманом, а есть такие, что магией.

– Магией?

Он кивнул.

– Аскет давно принял веру Христа, но принимает и своих собратьев, дабы показать им свет Христова учения.

– Ладно, – сказал я угрюмо. – И хотя, скорее всего, придется бросить эту затею, но попытаться стоит.

– Только не в ущерб своей миссии, – напомнил он. – Мы должны принести свет истинной веры в эти погрязшие во тьме еретизма земли!

Глава 7

Королевство Аганд небольшое, очень гористое, граничит с Мордантом на юге и Сакрантом на юго-востоке. О нем ничего не знаю, хотя оптеродактилил, когда уточнял географические особенности Морданта и Сакранта.

На моей карте это пока лишь зеленое пятно с неопределенными очертаниями, на нем из множества рек только две крупные, их с ходу не форсируешь, еще с десятков неприятных и довольно длинных горных хребтов, такие не только конница, но и не всякая пехота преодолеет, и уж во всяком случае не обозы...

Еще, к счастью, отмечен лес.

Карты я делал для себя и своих военачальников, потому леса старался отмечать как проходимые для конницы, так и непроходимые, и сейчас внимательно всматривался в одно место на карте, где лес затушеван особенно сильно, как дремучий, непроходимый и вообще чем-то опасный.

Это на северо-западе карты, где наверняка земли Аганда.

Дверь распахнулась, Зигфрид сказал с порога гроыхающе:

– Ваше высочество, к вам один из местных.

– Ты прям церемониймейстер, – заметил я, еще во плену мыслей, как достичь аскета в дальних землях. – Может быть, оденешься в его форму? А то здешний сбежал.

Он трижды сплюнул через левое плечо, все мы еще не совсем христиане, сказал угрюмо:

– Так пропустить или гнать в шею?

– А вот проверим твой глаз, – сказал я, – пропусти.

– Слушаюсь, – ответил он и, чуть помявшись, предупредил: – Но вы поосторожнее. Маги еще не установили постоянную защиту.

– Справлюсь, – ответил я.

Он вышел, а через минуту через порог переступил придворный, так я понял, не лорд и не герцог, а просто придворный, с виду состарившийся именно здесь во дворце. Весь он как будто часть его, такой же старый, массивный, чопорный, очень благообразный, в трех одежках, выглядывающих одна из-под другой, а сверху еще и тяжелая шуба, распахнутая на груди, где видна большая золотая звезда на массивной цепи.

Штанов под шубой не видно, сапоги добротные, дорогие, но без шпор. Он в свою очередь, при всей своей неподвижности и непроницаемости, быстро осмотрел меня с головы до ног и теперь всматривался в лицо, стараясь быстро определить характер, склонности и привычки и, конечно же, надеясь угадать также слабые места.

– Слушаю, – произнес я.

Он поклонился, ответил сдержанно:

– Я Гангер Хельфенштейн, советник короля Леопольда. Занимался по большей части хозяйством.

Я поинтересовался:

– Страны или дворца?

– Одно от другого неотделимо, – сообщил он с таким видом, словно открыл передо мной одну из важнейших государственных тайн.

– Хорошо сказано, – согласился я. – Скромно и со вкусом. С чем пришли?

Он заговорил, как мне показалось, с некоторой натугой:

– Я был советником короля и остаюсь им... как и его верным и преданным слугой... однако на данном этапе мне кажется более разумным ограничить войну некоторыми правилами.

Я сказал чуть живее:

– Разумные люди издавна стараются ограничить войны, раз уж не удастся их прекратить вообще. И даже есть перечень военных преступлений, которые нельзя совершать даже при великом ожесточении. Мне ваш подход нравится, потому садитесь... вон в то кресло, очень удобное, сам там иногда воздумываю о разном.

Он с прежней настороженностью сел, посматривает исподлобья, словно подозревает во мне самозванца. Вообще-то Ричард Завоеватель должен быть постоянно гневен, орать по любому поводу, хвататься за рукоять меча, грозить жестокими казнями...

– Сейчас нам подадут горячего вина, – сказал я, – а пока напомним вам, что во все времена все народы, ожесточенно воюя друг с другом, продолжали торговать, ездить друг к другу в гости, размещать на землях противника крупные заказы, в том числе и военные...

Он проговорил медленно, я видел, что сбил с толку, когда сам первым сказал то, что намеревался сказать он:

– Да, ваше высочество... Я, будучи лояльным подданным короля Леопольда, тем не менее полагаю, что в гражданских делах необходимо сотрудничать и с оккупантами, дабы свести к минимуму ущерб населению.

– Прекрасно, – сказал я деловито, – давайте определим, что мы можем сделать.

Зигфрид не ошибся, этот сановник из тех, кто может успешно рулить некоторыми частями огромной государственной машины. Та тройка в составе вильдграфа, маркграфа и простого барона, что явились первыми, взялись снабжать мою огромную армию продовольствием, дабы мы не разбрелись по окрестностям, грабя простой народ и сжигая мелкие города, а этот, судя по его подробным рассказам о жизни в Сакранте и Генгаузгузе, может помочь наладить взаимоотношения с крупными лордами.

Я слушал очень внимательно, не просто запоминая, но и делая быстрые выводы, наконец сказал с чувством:

– Уверен, Его Величество король Леопольд будет счастлив узнать, что вы, оставаясь его верным подданным, не покинули свой государственный пост, а мужественно продолжаете верно служить своему королю, спасая город и страну от разорения и бесчинств победивших войск!

Он чуть откинулся на спинку кресла, лицо неподвижное, но я умею читать в глазах, а там вижу изумление и благодарность за понимание.

– Ваше высочество...

– Не нужно слов, – сказал я, останавливая его властным жестом, – уверен, вы укрепите свое положение при дворе короля Леопольда, закрепившись при моем дворе. Вот такой парадокс! Я сообщу о вас своему вице-регенту графу Альбрехту.

– Благодарю, ваше высочество.

– Пустое, – сказал я. – Мы оба действуем на благо Сакранта. И вам, и мне его лучше видеть богатым и процветающим. В смысле, королю Леопольду лучше получить его обратно богатым и неразоренным. У вас во дворце был кабинет?

Он поклонился.

– Да, именно в главном здании...

– Прекрасно, – заявил я великодушно. – Можете занять его снова. Даже привлечь к работе своих помощников, если не слишком далеко разбежались.

Он сказал в восторге:

– Ваше высочество!

– Разумеется, – добавил я, – среди них будет и наш человек, для которого должны быть открыты все бумаги и все секреты.

Он поклонился.

– Несомненно, ваше высочество. Я понимаю и одобряю эти необходимые предосторожности. Если бы вы их не предприняли... я не знал бы, что и думать.

– Тогда приступайте, – сказал я бодро. – Во славу Сакранта!

Он ответил с чувством:

– Во славу Сакранта!

Зигфрид распахнул перед ним дверь, а когда тот вышел, плотно притворил и спросил кисло:

– Я ошибся?

– Молодец, – одобрил я, – чутье у тебя отменное.

– Тогда почему во славу их Сакранта?

Я удивился:

– Их? Это наш Сакрант.

А через час мы с арбогастром и Бобиком уже неслись через заснеженный мир в сторону северо-запада. Когда закончился Сакрант и пошел Аганд, не могу предположить даже приблизительно, однако еще после часа бешеной скачки за добротными деревьями, красиво усыпанными снегом, въехали в лес, неопрятный, черный, с голыми стволами, огромными дуплами.

Дорогу то и дело теперь загораживает паутина, больше похожая на рыбацкую сеть по толщине всех нитей, комья снега там угнездились огромные, некоторые смерзлись в лед и грозно звенят, когда я обозленно рублю направляющие струны.

К счастью, клейкие комочки давно засохли, лезвие ни разу не прилипло, хотя повозиться пришлось так, что вспотел.

Бобик бежал впереди и грозно скалил зубы, поворачивая голову то направо, то налево, а так как он делал это с частотой механизма, я понял, что пока не видит того, кто может напасть, но сам лес очень не нравится.

Я держал меч наготове, дергаясь на каждый скрип дерева, пригибая голову при каждом взмахе крыльев, но даже не успевал увидеть, что за странные птицы в странном лесу.

– Бобик, – сказал я негромко, – ищи человека... Запах человека!

Он посмотрел в недоумении, в чистых, честных глазах ребенка я прочел недоумение: кто же из людей станет здесь жить, но я смотрю твердо, он вздохнул и побежал, высоко задирая голову и приносясь.

Искать пришлось не больше четверти часа, затем Бобик радостно взрыкнул, подпрыгнул и понесся между черными мертвыми деревьями, что стоят как живые и не думают падать от ветхости.

Видимо, аскет не моется уже не первый год, через некоторое время запах услышал не только Бобик, но и я.

На той стороне промерзшего до дня ручья высится полуразвалившаяся избушка, донельзя ветхая, с продырявленной крышей. Так бы и не увидел, снег лежит сверху толстым слоем, но дыра очень уж, а снизу ни пара, ни вообще признаков жизни.

Мы перешли ручей, лед звучно трещит, в одном месте даже брызнула вода, но обычно везде под толстым слоем льда такая же промерзшая земля, будто в этой части леса зима круглый год.

Когда вскарабкались на невысокий склон, избушка вблизи показалась еще отвратительней и, конечно, абсолютно нежилой.

Бобик подбежал, понюхал покосившуюся дверь. Я видел, как его хвост в нерешительности качнулся из стороны в сторону, указывая, что внутри есть нечто живое.

Чувствуя недоброе, я соскочил с седла, ноги ушли в снег по самую развилку, озлился и пошел к Бобику. Судя по нетронутому снегу, здесь давно уже никто не ходил. Нет даже звериных следов...

Я толкнул дверь, не подалась, но я сообразительный, с третьей попытки догадался потянуть на себя, как вообще-то и положено ставить любую дверь с точки зрения пожарной безопасности да и простого инстинкта спасения.

Изнутри пахнуло таким холодом, что показалось снаружи почти лето. Я стиснул челюсти и, раз уж приехал в такую даль, все же заставил себя шагнуть вовнутрь, а Бобик протиснулся, отодвинув меня, вперед и остановился.

Комната показалась просторнее, чем вся избушка выглядит снаружи, но все равно те же черные прокопченные бревна, земляной пол, посреди выложенный камнями очаг с давно погасшими обугленными поленьями...

А в углу из-под кучи старых полуистлевших шкур торчат человеческие ноги: голые и покрытые коркой засохшей грязи, с потрескавшимися ступнями, подошвы толстые и начинающие ороговевать, будто обе вот-вот станут копытами.

Бобик посмотрел на него в нерешительности, на меня. Я осторожно пнул носком сапога в пятку, изрезанную трещинами будущих ущелий.

– Эй, хозяин?.. Если живой, то вот тебе радость – гости!..

Ноги подтянулись под шкуры, как рожки улитки, затем там зашевелилось, раздался мощный вздох, и шкуры сдвинулись, когда хозяин сел, упираясь руками в пол.

Изможденный до полускелетного состояния, ребра торчат вызывающе, живот прилип к спине, а по лицу видно, как будет выглядеть его череп.

Он вперил в меня злой взгляд, совершенно не обращая внимания на Адского Пса, что продолжал рассматривать его с вялым интересом.

– Что за гости?

Голос его прозвучал достаточно мощно, даже трубно, словно он, выходя изредка из хижины, закатывал проповеди всему лесу, стараясь охватить поголовье зверей на мили вокруг.

Я смерил его все еще недоверчивым взглядом.

– Гм... один великий мудрец сказал, что в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и тело, и мысли, и одежда, и геморрой...

Он переспросил с сомнением:

– Мудрец?

Я подумал, уточнил:

– Скорее, великий гуманист. А гуманисты, сам знаешь, немножко прибабахнутые, почему нам всем и нравятся. Мы сразу себя чувствуем выше.

– А сам ты кто?

– Странник, – ответил я смиренно, – что ищет способ, как остановить бессмертного, что теперь, не опасаясь угодить в ад за грехи и преступления, чинит насилия мирному населению.

Он продолжал сверлить меня злым взглядом.

– А немирному?

– Тем тоже, – согласился я, – но тем как бы можно, у них в руках мечи и топоры, а безмечейных и бестопорных мы все должны защищать, полагая их мирными, пусть даже скандалисты и преступники.

Он буркнул:

– Ну да, а то кого же будете грабить?..

– Разделение труда, – объяснил я. – Если человек должен пахать и в то же время защищаться, то плох будет в том и другом. Цивилизация началась с дифференциации.

Он посмотрел исподлобья.

– Ишь, грамотный. И рыцарь?

– Даже читаю умею, – ответил я с достоинством. – Правда, только печатными.

Он спросил:

– Это... как?

Я ощутил, что допустил промах, ответил небрежно:

– Да теперь книги не переписывают, а... печатают. Так быстрее и точнее. Скажи, святой отшельник, ты можешь чем-то помочь? Все указывают только на тебя.

Он снова оглядел меня с головы до ног, чем-то ему не нравлюсь, хотя особым провидцем быть не обязательно: когда двое мужчин альфа-самцового типа встречаются, они обязательно молча сравнивают рост друг друга и ширину плеч, это у нас даже не от питеков, а от амёб и хламидомонад.

– Ты взялся за это от безделья, – в голосе отшельника прозвучало отвращение, – но если все-таки выполнишь... это тебе зачтется.

– Да? – спросил я живо. – Это я люблю, а то чистое благотворительство как бы не совсем в моей натуре. Хотя маленький пряник, но надо бы получить...

Он буркнул с неприязнью:

– Говори быстро, у меня мало времени. Что он сделал? И как получил бессмертие?

– Да-да, – сказал я торопливо, – вы тут так торопитесь, так торопитесь... В общем, дело в том, что...

Я рассказал подробно, особенно напирая на то, что тот гад с каждым днем все больше творит бесчинств, убивает, грабит и насилует, и умалчивая, чью просьбу выполняю.

Глава 8

Отшельник задумался, а я смотрел на его голый торс и вспоминал, что йоги в мороз накидывают на голое тело мокрые простыни и высушивают их своим телом, чего-то там добиваясь, а этот просто не чувствует мороза, взвинтив свой теплообмен до такой степени, что вон вокруг его тела едва заметно струится нагретый воздух, а дыра в крыше – это затем, чтобы перегретость уходила наружу.

После долгой паузы он встрепенулся, сказал с раздражением:

– Я не вижу никакого оружия, которым его можно убить. Я не вижу ловушки, в которую можно завлечь, чтобы он там умер.

Я спросил упавшим голосом:

– Совсем-совсем?

Он отрезал:

– Абсолютно!.. И хотя способ есть, но его условия исключают друг друга.

Я спросил быстро:

– А с этого места можно подробнее?

Он подвигал худыми голыми плечами, такого же цвета от грязи, как земля под ногами.

– Твой противник, – сказал с неохотой, – предусмотрел все. Он защитился всеми возможными заклятиями и наговорами от любого оружия, вплоть до мечей архангелов!.. Более того, он как-то исхитрился получить полную и абсолютную защиту от любого оружия Тьмы!.. Отныне никто не может ему повредить, ни простой человек, ни святой подвижник, ни самый великий грешник... Я жил долго, но такого еще не встречал. Надеюсь, впереди еще и другие неожиданности.

Я спросил машинально:

– А сколько вам?

Он небрежно отмахнулся.

– Четыре тысячи лет, это неважно. Мне еще много нужно прожить, чтобы понять сокровенное и объять необъятное.

Я пробормотал ошарашенно:

– А с виду вам не дашь больше трех тысяч девятисот... Холод сохраняет молодость, теперь верю. Четыре тысячи... обалдеть! Ну да, теперь понятно, почему вы торопитесь, впереди осталось всего-то несколько сот тысяч лет... ну, пусть несколько жалких миллионов, все равно мало. То-то ваша речь показалась мне... грамотной. Значит, этот монстр пойдет дальше? Ощувив вкус насилия, которое никто остановить не может, он сперва начнет подчинять себе деревни, затем села, потом города, королевства... И настанет царство Тьмы и Ужаса?

Он сказал с раздражением:

– Я сам впервые за последние пятьсот лет сталкиваюсь с вопросом, на который не могу ответить.

– Совсем?

– Совсем, – отрезал он. – Потому что нет на свете человека, который мог бы взять в руки святое оружие и в то же время быть Тьмой.

Я спросил робко:

– А это... как?

– Каждый, – произнес он неистово, – идет либо к Свету, либо к Тьме. Нельзя идти по этим двум дорогам одновременно, они ведут в разные стороны. Потому каким бы ни был герой, он может получить либо святое оружие, либо оружие Тьмы.

– Гм, – сказал я, – это в самом деле... неразрешимо. Но, на всякий случай, можно мне знать немножко больше? К примеру, если один возьмет святое оружие, а его напарник – оружие Тьмы и вдвоем завалят того мерзавца?

Он посмотрел на меня с отвращением.

– Думаешь, я не подумал об этом в первую очередь?

– Простите, – сказал я торопливо, – каждый человек полагает себя самым умным, это у нас в крови и ведет к техническому прогрессу.

Он сказал зло, не обращая внимания на мое умничание:

– Светлый и темный сразу же вступят в яростную схватку друг с другом, не обращая внимания на того, кого поклялись убить. Это тоже у нас в крови!

Я вздохнул.

– Да, это в нашей натуре. Спасибо, что ответили, а не вдарили. А можете сказать, каким святым и каким темным его можно завалить, как кабана при удачной охоте?

– Могу, – ответил он. – Это жезл Моисея, скипетр Аарона, меч Мафусаила, праща Давида... и много чего еще. Но тебе до них не добраться, герой.

– Почему?

– Это все в Царстве Небесном, – буркнул он. – Или в другом месте, вряд ли там держат оружие... во всяком случае, под охраной архангелов, а тех ни подкупить, ни уговорить.

– Ясно... А что насчет темного?

Он зябко поежился.

– Вообще-то все оружие на свете... темное. Как бы о нем красиво ни пели. Но есть особо темное, которое вообще невозможно облагородить никакими ухищрениями. Это Молот Чумы, Копье Холеры, Плащ Засухи, Шляпа Саранчи... Им уничтожались целые народы. Они тоже где-то под строгой охраной.

– Чьей?

Он посмотрел с насмешкой.

– Какая разница? Не дадут ни те ни другие.

Я пробормотал:

– Ну да, соглашение о контроле за оружием массового уничтожения в действии... А как насчет исключений?

– Исключения только у Господа, – отрезал он. – Потому они и называются чудом! Но ты не о том думаешь, младенец. Любой человек, который взял бы в руки то и другое, мгновенно превратился бы в пепел. К счастью, такое невозможно.

Я ответил устранным:

– Я герой, но в то же время не совсем дурак.

Он устало повторил:

– Либо – либо. Я знаю только одно место, где если Оружие Тьмы не спрятано под охраной, то хотя бы там о нем знают.

Самая дурацкая фраза, которую когда-либо слышал: «У тебя нет выбора». Или «у нас». Или «у меня». И повторяют ее так часто, словно хотят из нашей новой эры вернуть в то дикое время эллинизма и прочей пещерности, когда над всем властвовал рок, фатум, судьба, и даже нити жизни богов пряли какие-то отвратительные старухи-парки или мойры, не помню.

У христианина выбор есть всегда. В любой ситуации. Даже самой безнадежной. Я, например, могу отказаться. На самом деле, если подумать, даже в масштабах королевства барон Вимборн не может причинить особенного зла. Таких замков тысячи, а деревушек вообще десятки тысяч.

Чтобы пересечь королевство из конца в конец, придется потратить пару месяцев, да и то в сухую летнюю погоду. Потому просто убить он может не так уж много, рождаемость легко покрывает гибель от его меча.

Однако опасность в том, что он скоро пресытится насилием над отдельными женщинами и единичными убийствами после пыток. А когда за ним соберется отряд, а потом армия – это будет уже в самом деле опасно.

Епископ Геллерий не забыл наш разговор, и едва разнеслась весть, что великий лорд Ричард вернулся с конной прогулки, во время которой нагуливал аппетит, явился на прием.

Зигфрид распахнул перед ними двери, и епископ переступил порог с суровым лицом и вопрошающим взглядом.

– Ваше преосвященство, – сказал я.

Он чуть наклонил голову.

– Ваше высочество...

– Проблемы? – осведомился я вежливо.

– Думаю, – ответил он, – их больше всего у вас... вообще, а не только в связи с той странной, хотя и очень благородной затеей, что тревожит вас сейчас. Судя по вашему лицу, вы побывали у святого отшельника?

Я кивнул.

– Вы умеете читать по лицам, ваше преосвященство.

– Вам нужно больше следить за своим лицом, – ответил он. – Другие тоже стараются что-то да прочесть, а для противников это еще и оружие.

– Буду стараться, – пообещал я.

Он смотрел на меня, не сводя радостно-изумленного взгляда.

– Поверить не могу... А говорили, он почти недоступен.

– Смотря для кого, – сказал я скромно. – Я видел его и... поговорил.

Он заинтересовался жадно:

– И что он сказал?... Интересуюсь потому, что он почти никому не позволяет тревожить свой покой.

Я ответил уклончиво и весьма благочестиво:

– Мы поговорили о высоком, после чего он посоветовал мне молиться.

Геллерий посмотрел, как мне показалось, с недоверием, но я ответил чистым ясным взглядом человека верующего, у которого ни в чем не бывает сомнений.

– Больше крови, – произнес он со вздохом, – было пролито из-за услышанных молитв, чем из-за неслышанных.

Я спросил с иронией:

– Что, Господь стал плохо слышать?

– Из-за оставленных без ответа, – уточнил он.

Я подумал, покачал головой.

– Что-то не сходится. Либо Господь реагирует на все просьбы, либо ни на одну. Иначе как-то нечестно.

Он грустно улыбнулся.

– Вся жизнь нечестная штука.

Я подумал, что сходиться может только в случае, если получающий ответ на молитву получает и жирный минус в репу, то есть в репутацию, как говорили в старину. А тот, кто не просит, а добывается своими силами, у того минуса этого нет. Ну, как на экзамене, когда просишь другой билет, милостиво разрешается, но оценка автоматически снижается на балл.

И даже если ответишь блестяще, но с такой вот скидкой, то можешь все же не пройти в желаемый универ.

– Ваше преосвященство, – попросил я, – я слышан, как вы яро утверждаете нашу веру, но... прошу вас, не налегайте слишком уж на паршивость апостольской церкви! Здешние люди к ней привыкли, а нашу не знают. Начнем приучать их помаленьку. Когда увидят разницу, сами придут в наши соборы.

Он кивнул.

– Да-да, конечно. Так что вы решили насчет... того бессмертного?

– А я должен?

Он ответил бледно:

– Зная вас, ваше высочество, ваше высокое рыцарство, которое вы тщательно скрываете за дурными манерами...

– Я разве скрываю? – изумился я. – Напротив, выпячиваю!

– Да-да, – согласился он. – Значит, все-таки не оставили эту затею?

– Пока нет, – ответил я с неохотой. – Постараюсь что-то сделать. Если, конечно, Господь поможет.

Он перекрестил меня двумя широкими взмахами.

– Вы постарайтесь, а уж Он постарается.

После его ухода я велел позвать Альбрехта, тот явился настороженный, все такой же подтянутый, строгий и с насмешливыми глазами.

– Граф, – сказал я.

– Ваше высочество?

– Граф, – сказал я с досадой, – давайте без церемоний, вы же видите, здесь никого.

– А мы?

– А нам это до свечи, – отрезал я. – Как настроение в городе?

– Местные ходят на цыпочках и говорят вполголоса.

– Прекрасно. Какие слухи?

– Пораженческие, – сообщил он. – Откуда-то многим стало известно, что сюда идет еще одна огромная армия с Юга. Пошли слухи, что Мунтвиг убит, взят в плен, убежал, все бросив, скрывается где-то в горах среди пастухов...

– Ваша работа? – поинтересовался я с одобрением. – Зачастую слухи выигрывают войны! Потому и дальше не пренебрегайте. А, вот еще... Не забудьте установить контакт с вильдграфом Вильданом Зальм-Грумбахом, лордом земель Ирмии и Нирда, куда входят города Зальм-Кирбург и Зальм-Даун. Его земли справа от Генгаузгуза, запомнили?

Он кивнул с весьма ошарашенным видом.

– А еще с маркграфом, – добавил я, – Джонатаном Бергеном, лордом земель Изенбурга и Бирштайна.

Он сказал почти с испугом:

– Вы хотите убить меня такими неподъемными знаниями?

– А еще с бароном Гербертом Оберштайном, – сказал я злорадно. – Его земли от Генгезгауза слева, в них входят города Фирнебург, Изендорф и Шайдвилд, все запомнили? Я так и думал... Эти лорды хоть и патриоты Сакранта... или как раз благодаря тому, что патриоты, постараются помочь всему, что королевству на пользу.

– А нам во вред?

Я взглянул строго.

– Граф, есть масса областей, где сотрудничать можно для обоюдной пользы. В общем, действуйте активно, быстро и жестко, как вы умеете, когда не спите.

Он посмотрел исподлобья.

– Судя по наставлениям... снова планируете исчезнуть?

– На время, граф, – ответил я твердо. – На короткое время.

– Какое... короткое?

– Уж точно меньше четырех тысяч лет, – заверил я. – Граф, действуйте! Я вам дал все самое лучшее в работе. А сам вот пойду делать самую черную.

Мы вышли из кабинета вместе, дальше он пошел в сторону канцелярии, а я быстро поднялся по широкой лестнице наверх. Здесь личные покои трех принцесс, что и понятно, вниз могут спуститься только через третий этаж под бдительными взорами охраны, которая тут же доложит строгому отцу.

В коридоре напротив двери сидят прямо на полу двое стражей, оба из наиболее доверенных людей Норберта, одеты как молодые рыцари, хотя не в латы, а в блестящие новенькие кольчуги, штаны из кожи прекрасной выделки и в сапогах, что красотой и великолепием обрадовали бы и графа.

Оба торопливо вскочили, я издали махнул рукой, дескать, вольно, спросил негромко, подходя вплотную:

– Как они?

Старший ответил шепотом:

– Ни одна еще не показывалась. Служанка носит им еду, все тихо, жалоб нет.

– Пока нет, – сказал я. – Чтоб от женщин да не было жалоб?

Они распахнули передо мной двери, передняя комната для приема гостей широкая и просторная, резные полы из плотно подогнанных плит серого гранита, на стенах привычные гобелены, но грубые и с намного более примитивными рисунками, чем в королевствах ближе к Большому Хребту, а также неизменные мечи, топоры, пики, что, на мой взгляд, совершенно неуместно в женских покоях, если только это в самом деле их покои, а не чьи-то, куда они прибежали прятаться.

Все на стенах развешено вроде бы правильно, но как-то чересчур старательно, не хватает преднамеренной беззаботной неряшливости.

Из раскрытых дверей в соседнюю комнату раздался испуганный голос:

– Кто здесь? Это ты, Марта?

Я пошел, громко топая, заговорил уверенно и успокаивающе:

– Милые принцессы, был занят, все до вас руки не доходили...

Спохватился, посчитав, что могут понять по-своему, женщины все понимают по-своему, но слово не воробей, уже каркнул, будто и не принц, расслабился, хотя как раз в женском обществе и надо быть вздрюченным, словно на вражеской территории в глубоком тылу.

Глава 9

В дверном проеме возникла и тут же исчезла та бойкая принцесса, что говорила и за сестер, в комнате послышался испуганный писк.

Я приблизился рассчитанно медленно, давая им возможность закрыться хотя бы ладошками, как женщины особенно любят, если вдруг почему-то голые. Нет, в мило и очень поженски обставленной комнате сгрудились все трое, одетые, испуганные, бледные, уцепившиеся друг за друга, будто вот щас брошусь их растаскивать.

– Здравствуйте, – сказал я. – Простите, некогда было головы поднять! Да и сейчас некогда, но и дальше откладывать ваш вопрос как-то неловко.

Старшая, если она старшая, а не просто самая отважная, проговорила в страхе:

– Теперь что, будете нас насиловать?

Я вздохнул, развел руками.

– Увы, принцесса... надо. Кто мы против старинных обычаев, освященных веками и славой наших предков?.. Да и без этого чувствуется некая незавершенность композиции. Я, как эстет и гурман, будучи большим покровителем всяческих искусств, просто страдаю, когда в великолепной картине вижу незакрашенное пятнышко.

Она сказала жалобно:

– Но... может быть...

Я посмотрел, как она жутко залилась краской, даже лоб и шея покраснели, спросил в лоб:

– Что?

– Может быть, – сказала она еще жалобнее, – вы нас отнасилуете... в одиночку? Вы же принц, а вот все остальные...

– Герцоги, графы, – возразил я, но уже с сомнением, – тоже достаточно высоко. К тому же боевые соратники...

– Но не ровня вам, – сказала она чуть смелее, – никто не смеет равняться с вами и выдирать добычу из когтей льва!

Я спросил с сомнением:

– Это я лев?

– Ну да, – подтвердила она, – очень похожи!

– А где у меня хвост? – спросил я. – Ах да, простите, я недавно из боя, до сих пор не соображаю и утонченные намеки не всегда втемяхиваю. Кстати, идея вообще-то не самая слабая... Вас как зовут?

– Джоанна, – ответила она. – Принцесса Джоанна. А это мои сестры, Рианелла и Хайдилла.

– Джоанна, – сказал я, – вы еще никуда не пытались выйти? Да-да, вижу по вашим принцессым мордочкам. У вашей двери стража, но если все-таки кто и войдет спяну, вы всем говорите, что я на вас уже положил... львиную лапу. Или наложил? Нет, наложил – какое-то двусмысленное... Правда, положил... гм, тоже. Эх, как плохо быть грамотным интеллектуалом!.. Горе от ума, как сказал один великий мудрец, а второй вообще сокрушался: бороду-то сбрею, но умище куда девать?

– Ваше высочество?

Я с усилием потер ладонью лоб.

– Что-то туплю в последнее время. Недоизнасилованные стоят дороже, а я, как политик, заинтересован продать вас с хорошей прибылью. Если король Леопольд... гм... удалился из этих мест, то вами по праву старшего и альфа-самца распоряжаюсь я, верховный сюзерен всего, до чего дотягиваюсь. Потому... гм... скорее всего, я вас быстренько так это повываю замуж.

Принцесса Джоанна испуганно вскрикнула:

– Замуж?

– Ага, – сказал я понимающе, – рады?.. Не пугайтесь, не за актеров. У меня полно неженатых герцогов. Да и графы красавец на красавце, все молодые и бравые...

Они прижимались одна к другой, как овечки, а Джоанна, действительно самая смелая, сказала гордо:

– Но мы дочери короля!

– Вообще-то, – сообщил я с достоинством, – у меня есть и принц, сын короля Буркхарта Третьего из королевства Вендовер, но я ему приказывать, увы, не могу. Сами ему глазки стройте и постарайтесь очаровать. У кого получится, та будет впоследствии женой короля Вендовера, ибо принц Сандорин – единственный наследник. Остальным в мужья достанутся всего лишь герцоги.

Джоанна спросила с подозрением:

– Вы это всерьез? Вам-то это зачем?

– А династические связи? – напомнил я. – Если у вас мужьями будут мои полководцы, то и все королевство останется... гм... дружественным. В нашем особом понимании, демократическом.

Она подумала, ответила за себя и за сестер:

– Нет, мы не согласны!

– Тогда изнасилование, – ответил я со вздохом и развел руками.

Она подумала, глядя на меня пристально, буркнула, надув губки:

– Ладно.

– Ага, – сказал я довольно, – согласны на замужество?

Она посмотрела на меня в упор и ответила дерзко:

– Нет! На изнасилование.

С принцессами разговор пришлось прервать на полуслове, откуда-то снизу окно озарилось страшным плазменным светом, и я выскочил в коридор и промчался, как конь, стражи едва успели распахнуть передо мной двери моих покоев, но все-таки успели.

В комнате полумрак, затем нещадный свет первого дня творения выжиг даже намек на тьму, в двух шагах от меня возникла огромная пылающая неземным огнем фигура, я рассмотрел только крупное лицо со сгустками пламени на месте рта и глаз.

– Тертуллиан! – вскрикнул я. – Ты как никогда вовремя! Мне нужно...

Он прервал грозным голосом, прогремевшим как удар грома, что должен тряхнуть весь дворец до основания:

– Тебе нужно? Ты должен заботиться о том, что нужно другим!

– Так это другим, – объяснил я торопливо, – но сперва мне, чтобы другим...

– Сперва мне, – передразнил он голосом, полным отвращения, – еще бы! Сперва тебе, в этом ты весь, вся твоя суть в этом «сперва мне». Пора вышвырнуть тебя из паладинов, слишком уж перешел на другую сторону...

– Тертуллиан, – взмолился я, – только на секундочку... нет, на минутку останови свою ярость!.. Твой темперамент разнесет здесь все. Великая беда надвигается на мир, и только ты можешь ее остановить... ну, подсказкой, а всю грязную работу по совершению безумных подвигов и доблестному отрубанию голов беру на себя, как и презренное осыпание со стороны народа хвалой и улыбками благородных и не очень дам!

Он умолк озадаченно, вокруг него все еще кипит море бушующей плазмы, бозоны так и хиксят. С моих волос по всему телу срываются крохотные искорки электрических разрядов, хотя вряд ли электрических, но все равно пусть электрических.

– Ты о чем?

Голос его был грозен и обрекающ, но Тертуллиан дает шанс раскрыть рот и мне, даже готов выслушать, если буду краток, и я сказал торопливо:

– Барон Вимборн хитростью и коварством заполучил бессмертие и неуязвимость! Теперь он рушит церкви и храмы, насилует монахинь и сдирает с них живьем кожу...

Он прервал меня грозным ревом:

– Так чего стоишь? Беги и убей его! Отправь прямо в ад!

– Как? – спросил я в лоб.

– У тебя еще есть лук Арианта, – напомнил он. – А сила твоя теперь столь велика, что можешь пользоваться без доспеха Арианта, и даже призывать его из другого королевства!

– Из другого, – признался я, – не пробовал, спасибо за подсказку. Но вот лук, уж прости, не пробивает даже шкуру. Да пробовал я, пробовал! Еле ноги унес. Ну, почти еле унес.

Он отшатнулся с такой силой, что едва не весь ушел в стену. Белый плазменный огонь вспыхнул еще ярче, хотя секунду назад я считал, что это невозможно.

– Как... не пробивает?

– Да так, – ответил я с тайным злорадством, хотя и со скорбным видом и печальным до трагического голосом, ну есть такое даже у паладинов, или хотя бы таких, как я. – Не пробивает!.. Если бы хоть поцарапало, я бы его до смерти зацарапал, а так даже не задело. Потому, Тертуллиан, это и личное оскорбление тебе самому. Даже вызов! И ты потерпишь?.. Ты, с твоим темпераментом уроженца Африки?

Он пронесся к противоположной стене и обратно, покачался, как огненный смерч, на месте, снова сдвинулся, похожий на столб яростного белого пламени.

Глаза и рот почти исчезли в кипении плазмы, наконец из огня прогрохотало:

– Что с того, если не потерплю я?

– Я тоже не терплю, – сказал я быстро. – Тертуллиан, ну?

Голос его остался мощным и грохочущим, но я уловил в нем непривычную для Тертуллиана нервность и неуверенность:

– Даже не знаю... Есть такое, чем можно... но это вообще не на земле...

Я спросил жадно:

– На других планетах?

Он переспросил недовольно:

– Где-где? А что это?

Я спросил с тоской:

– Неважно. Очень далеко.

– Не на земле, – повторил он, – не на грешной земле, Ричард.

– Ах да, – сказал я. – Понятно. Тогда шансов нет...

– Нет, – проговорил он медленно, – нет, Ричард...

Я прислушался к его голосу, спросил быстро:

– Тертуллиан! Ты что-то недоговариваешь. Что за оружие?

Он помолчал, гигантское лицо страшно кривилось.

– Знаешь, Ричард... это не всегда оружие. Просто старые вещи тех людей, которые... ну, вошли в летописи...

– В церковные? – уточнил я.

Белый шар головы изменил цвет на серый, оттуда прозвучал измененный голос:

– Не обязательно. Ты знаешь, что всем древним вещам приписывают что-то... ну, какие-то особые свойства. Чудесные. На самом деле это полная ерунда...

Я сказал тоскливо:

– Знаю. Но что-то да есть?

Из огненной бездны раздалось гулкое, но чем-то не похожее на привычный напористый рев Тертуллиана:

– Только в отношении вещей... действительно великих. Неважно, церковников или великих злодеев. Их вещи, которые были с ними в течение жизни, со временем набирают, что ли... в общем, под особой охраной находится камень, которым Каин убил Авеля, жезл Аарона, праща Давида, кольцо Соломона... в общем, ты понял.

Я пробормотал:

– Понял. И все это... недостижимо?

– Увы, – ответил он.

Я сказал с тоской:

– Значит, этот мерзавец будет глумиться над всеми, наслаждаясь безнаказанностью?

Огненная бездна расширилась до размеров всей комнаты, а голос заполнил ее всю так, что зазвучали все четыре стены:

– Ты мерзавец, Ричард!.. Ты вынуждаешь меня к тому, чего я никогда бы не сделал...

Я спросил шепотом:

– Тертуллиан?

Из огня прогремело:

– Мой посох!.. Он так и лежит там, где я его оставил. О нем знают, что существует, его разыскивают... но вряд ли найдут, люди слишком глупы и ленивы. Я дам тебе на время... для этого случая.

Волна ликования нахлынула с такой силой, что я едва не завизжал в восторге ликующим поросенком, затем меня словно окунули голым в Ледовитый океан.

– Тертуллиан, – проговорил я мертвеющим голосом, но все еще не теряя надежды, – а где он?

Бездна пламени начала сокращаться в объеме, через несколько мгновений посредине комнаты покачивался, как прутик под ветром, почти прозрачный призрак, тень неистового Тертуллиана.

– М-да, – проговорил он озадаченно, – об этом как-то не помыслил...

– Где?

– В пещере, – ответил он, – Керенея, это мое небольшое имение вблизи Карфагена. Когда стал пресвитером, от странствий пришлось отказаться. Потому отбиваться от бродячих собак, разбойников и грабителей больше не было нужды.

– И сейчас он там?.. В Киринее?

– Увы, – сказал он, – там. Даже не знаю, что ныне там и есть ли вообще великий Карфаген? Что ныне над тем благословенным городом: море, горы или выжженная пустыня?

Глава 10

Три часа стремительного ночного лета чуть ли не в стратосфере над высокими горами, напоминающими лунный пейзаж, и я увидел, что великий аскет, знающий все на свете, указал место достаточно точно: странный горный хребет в виде кольца в самом деле похож на исполтинскую корону, такие же тонкие стенки и даже застывшие на вершинах каменные шарики размером с замок средних размеров.

Похоже, крупный астероид врезался в земную кору, выплеснул расплавленную магму, что удивительно быстро застыла, словно замерзла в самом всплеске. В самом центре круга, на дне, как и получается при падении астероида, торчит высокий пик.

Я снизился и рассмотрел у самого основания темный вход, все как и обрисовал великий аскет, бывал ли здесь лично или у него такие вот видения, не знаю, но таким знаниям позавидовать можно, если для этого не нужно будет жить в вечночерном лесу.

Местность мертвая, я чувствовал себя в самом деле как на другой планете, когда вернулся в личину человека и с сильно стучащим сердцем двинулся к мрачно зияющему входу.

Сам пик похож на мрачный храм каннибалов или чего-то очень темного и недоброго. В ночи он смотрится особенно зловеще, и чем ближе я подходил ко входу, тем учащеннее стучало сердце. В груди страх и желание повернуться и бежать отсюда сломя голову.

Перед самым черным зевом, что выглядит как вход в могилу, я создал шарик света и послал впереди себя. Тот через пару секунд погас, я очутился в черной вязкой тьме, даже мои глаза не адаптируются моментально.

Наконец, когда стал видеть как в темных сумерках, я наклонил голову и вошел под своды храма. Тот в самом деле под тяжестью веков погружается в твердую землю, как в вязкое болото, и скоро придет час, когда скроется даже его заостренный верх.

С детства не мог понять, почему древние города обязательно раскапывают, словно их кто-то нарочито зарывает, или почему кости динозавров находят на большой глубине, словно для этих погибших от озоновых дыр или чего-то еще гигантов кто-то старательно рыл могилы, но теперь вот вижу, как это происходит.

Рядом пронзительно каркнул огромный, как гриф, черный ворон, неотличимый от тьмы. Я от неожиданности шархнул в другую сторону и, налетев на груды камней, упал и перекатился через голову, где и остался лежать, прислушиваясь к звукам.

Ворон потоптался на месте, я слышал по скрипению острых когтей по камню, сухо шелестнули огромные маховые перья, это сложил крылья, улетать не собирается...

– Чтоб тебя, – прошептал я в злобном бессилии, – а еще мудрая птица...

И все-таки хоть какая-то жизнь, а мудрые тоже любят поприкалываться над невеждами или просто гаркнуть над ухом «Беги!» и смотреть, как перепуганная жертва несется сломя голову, натыкаясь в темноте на стены и выступы.

Я осторожно прошел по узкому проходу к довольно просторному залу. Под дальней от меня стеной высится черный трон, а на нем сидит мужчина с черным лицом и длинными седыми волосами. По его позе видно, что вот так восседает едва ли не века, и это ему не доставляет неудобств, расположился с комфортом, ноги твердо стоят на ступеньке из черного гранита, руки на широких подлокотниках лежат свободно и властно.

Я подсознательно ждал, что трон будет из человеческих черепов или чего-то не менее отвратительного, однако тот вырублен целиком из солидного черного гранита, никаких украшений, все солидно и весомо.

– Хорошая ночка, – сказал я, – правда?.. Приветствую, Хранитель.

Он вперил в меня взгляд мертвых глаз.

– Зачем пришел?

Голос его прозвучал скрежещуще, словно мельничные жернова работают без зерна, истирая друг друга.

Я постарался ответить, несмотря на мой вздрагивающий голос, как можно проще и безопаснее:

– Мне нужно оружие. Самое мощное оружие. Но если не найдется, то согласен и на доспехи.

Он проскрипел с мрачным удовлетворением:

– В мире много оружия. Это хорошо. У кого в руках топор, тому все люди кажутся поленьями.

– Нет, – сказал я, – у меня мечей и топоров полно. Как и арбалетов. Мне нужно самое мощное оружие Тьмы. Хотя нет, все-таки лучше доспехи.

– Так что же, – переспросил он тем же неприятным голосом, – оружие или доспехи?

– Все хочется, – признался я. – Такой вот я загребатель и покоритель, а еще обожаю убивать и грабить. Но если выбор или – или, то, наверное, доспехи.

Он спросил настолько скрежещуще, что я едва разобрал слова:

– Зачем тебе доспехи?.. У тебя, как вижу, доспех лучше и не бывает...

– Некто, – ответил я с жаром, – настолько свят, что его не берет никакое оружие, созданное человеком, гномами или эльфами! А всякие там кобольды и фэйри ковать его не могут.

Он медленно кивнул.

– Не умеют. А жаль, верно? Вот была бы потеха, если бы еще их оружие тоже хлынуло в мир.

Я постарался улыбнуться хищно, как волк при виде стада жирных, откормленных овец.

– Верно сказано!

Он вроде бы чуть улыбнулся, хотя замороженное лицо осталось таким же, только взгляд стал еще острее.

– А сумеешь ли ты с ним справиться?

Я постарался улыбнуться еще зловещее.

– Я?

Он хмыкнул.

– Видишь, вон там гора костей?.. Это все, что осталось от героев, приходивших за этим оружием, способным сокрушить империи. От лучших из них.

– А что с теми, что попроще?

Он поморщился.

– Те просто сразу в пыль. Никто из них не был достаточно... достаточно готовым взять в руки такую мощь.

У меня душа затряслась, как овечий хвост, но ответил я уверенно и нагло:

– Тьма и так переполняет меня, что мне грозит? Я готов.

Не поднимаясь и даже не поворачивая головы, он медленно, словно двигаясь в густом клее, указал пальцем влево.

– Смотри, вон там плащ Каина.

Я спросил осторожно:

– Он чем-то... хорош?.. А то ведь был парнишка простым скотоводом, какой там у него был плащ...

Он кивнул.

– Верно. Если бы о Каине забыли, это и осталось бы простым плащом. Но чем чаще о Каине вспоминают, тем большей мощью наполняются все вещи, которыми он пользовался. Тот, кто вот это набросит на свои плечи, обретет неслыханную мощь... однако даже для того, чтобы дотронуться до него, мало быть потомком Каина.

– А что надо еще? – спросил я тихонько.

– Надо быть и по духу, – проскрежетал он, на его мертвом лице проступила такая же мертвая улыбка. – Так что дерзай... а я посмотрю, быстрой ли будет твоя смерть...

Возможно, он хранитель не только наследия Каина, но сейчас я видел только этот черный плащ со странно туманными краями. Это наследие лежит крайне небрежно на большой плите, словно некто сбросил его на ходу и отправился обедать.

Террос, сказал я мысленно, мы сейчас возьмем самое мощное оружие на свете. Возрадуйся! А потом убьем бессмертного, чего раньше никогда и никому... Тебе это понравится.

Жар начал разрастаться во внутренностях, я напрягся, удерживая боль. Террос был огненным богом, мог сжигать целые города, а после заточения выбрался из темницы, используя пробуждающийся вулкан. Потому сейчас, когда он просыпается по моему зову, я чувствую, как неистовое пламя уже лижет мои внутренности.

– Террос, – сказал я шепотом, – давай... давай, соберись. Нам отдадут то, чем мы сможем убить бессмертного!

Жар начал сжигать внутренности так, что я готов был взвыть во весь голос, и лишь тогда я, шатаясь и стараясь удержаться на ногах, взял черный плащ...

...нет, только коснулся, и волна неистового холода прокатилась от кончиков пальцев по руке, заморозила внутренности и ударила о встречную стену жара от Терроса.

Хранитель наблюдал с ленивым интересом. Во мне сшиблись две вселенные, мертвая и только что вспыхнувшая, в череде звон, грохот, перед глазами багровая пелена, но я сцепил челюсти и, ломая в себе страх и сопротивление, заставил негнущиеся пальцы взять плащ.

Все тело вздрогнуло и затряслось, словно дерево под ударами топора. Я держал дыхание запертым в груди, пока неуклюже развернулся и набросил плащ на плечи, давно уже не кожу, а больше похожую на плотно сотканный мрак.

Жар исчез, как и холод, только внутри меня что-то часто дрожит и перекачивается, словно мечется испуганная мышь в коробке.

Я повел плечами, расправляя плащ, сидит вроде бы неплохо, развернулся лицом к Хранителю.

– По-моему... коротковат?

Он впервые шевельнулся, даже привстал на сиденье, охнул и рухнул обратно. Бледное мертвое лицо перекошилось судорогой.

– Что?..

– Мелковат был Каин, – произнес я с удовольствием и чувством превосходства более рослого самца. – И в плечах чуточку жмет... Но ладно, дареному коню в пасть не смотрят. И вообще... никому не заглядывают.

Он в великом и, как мне показалось, злобном изумлении качал головой, в длинных седых волосах искорки мрака поблескивают, как крупинки драгоценного агата.

– Но... как тебе удалось?

– Когда-то, – ответил я, – кто-то все равно бы сумел.

Он проговорил зло и разочарованно:

– Что ж... забирай. Я обязан отдать любому, кто сумеет удержать на плечах. Впрочем...

Он умолк, я спросил с подозрением:

– Что?

– Этот плащ, – проговорил он со злобной усмешкой, – скоро вернется на это же место.

Страх прокатился во мне, как лавина льда, сорвавшегося с ледника на берегу северного моря, но ответил я твердо:

– Что я захпал, то не отдам!

– Он сам вернется, – сказал он и уточнил злорадно: – После твоей скорой гибели.

– С гибелью подождем, – ответил я небрежно, – хотя и должны рыцари гибнуть гордо и красиво во цвете лет, но я это уступаю своим противникам и даже помогаю им в этом.

- Ты одиночка? – спросил он внезапно.
- Историю делают одиночки, – заверил я. – Ну, я спешу...
- Спешешь? Куда?
- Делать историю, – сообщил я. Подумал и уточнил: – Или хотя бы мифологию.

Арбогастр несется, как черный вихрь, а я на нем, как стусток первозданного мрака, каким был мир до сотворения. Плащ за моей спиной развевается, как крылья, я на миг оглянулся и больше поклялся не оборачиваться: плащ словно бы тянется на мили, там все исчезает в густом мраке, будто темный хаос поглощает мир...

А еще слева у седла посох Тертуллиана, больше похожий на дубинку. Когда я совсем было пал духом и готов был отказаться от идеи сокрушить бессмертного, Тертуллиан сам вспомнил о моем умении призывать вещи. Конечно, с родины Тертуллиана я не смог бы перенести к себе и перышко, однако как только он присоединил свою мощь, а посох узнал хозяина, все получилось с обманчивой легкостью: посох просто возник посреди комнаты, откликнувшись на наш общий зов, а перехватить его было уже моей заботой.

Как понимаю, вещи древних героев, впитавшие их мощь, а со временем набравшие еще больше силы, самая лакомая находка для искателей сокровищ. Часть их, как вон доспех Нимврода, все еще в разных уголках света, иные церковь собрала и тщательно хранит в сокровищницах Ватикана...

Арбогастр с разбегу промчался по глади замерзшего озера, вздымая по обе стороны осколки льда и брызги воды, а я высматривал горный хребет, похожий на спину стегоцефала со вздыбленными иглами.

Я именно тот, мелькнула уstraшенная мысль, в ком и высокая паладинность, ее привычно прячу за шуточками и приколами, чтобы не казаться слишком хорошим, это неприемлемо с детства, и в то же время я достаточно циничен, чтобы в случае проблем идти за советом не в церковь, а к адвокату, а также помню, что если не пойман, то вроде бы и не вор.

Небо на востоке начинает светлеть, но пять остроконечных гор я рассмотрел еще на фоне звезд. В долине ночь, замок почти неотличим от приземистой скалы, сердце мое стучит мощно и злобно, а рука то и дело тянется к дубине отца церкви.

Из темноты выметнулись с горящими факелами в отведенных в сторону руках всадники на тяжелых конях.

В слабом и меняющемся свете видно только, как со звонким цокотом по булыжной брусчатке проскакали все строго один за другим, словно опасаясь ловушек в земле, одетые тепло и в плащах с наброшенными на голову капюшонами.

Я не стал провожать их даже взглядом, с уверенным видом въехал на расчищенный от снега двор, где совсем недавно показал, насколько я крут, когда имею дело с пьяными мужиками, возомнившими себя воинами.

Арбогастр воинственно фыркал и мощно бил в камень под ногами крепкими копытами, а я старался представить себе, что это за схватка, когда у меня в руке дубина святого... да что там святого, Тертуллиан куда круче, он создавал основы самой церкви, а на плечах плащ Каина, самого подлого, по мнению церкви и простого народа, человека на свете, «от которого и пошло все зло».

Вообще-то братья друг друга стоили, оба дети Змея, а то, что убил первым Каин, а не Авель, так просто, как старший, Каин был чуточку посильнее, только и всего.

Я сделал круг по двору, наконец сверху раздался сильный голос:

– Что там за блоха скачет?

– Чего сидишь в темноте, – крикнул я, – как сыч поганый?.. Денег нет на факелы? Спускайся, прямо на морде подвешу!

– Что-то больно уверен, – прорычал он мощно. – Может быть, даже не убежишь, когда выйду?

– А ты в самом деле выйдешь? – крикнул я. – Или тебя придется искать под перевернутыми корытами?

– Подожди минуту, – сказал он, – люблю таких вот уверенных...

Я ждал, арбогастр фыркал и нервно переступал копытами, наконец двери донжона распахнулись. В слабом рассвете возникла мощная фигура в дверном проеме.

Глава 11

Одет он тепло, но доспехами пренебрег, что должно вселить в меня уверенность и не дать пуститься наутек. Дескать, как бы ни был силен, бездоспешного зарубить нетрудно, даже меч у него на поясе какой-то несерьезный, словно длинный кинжал.

– Молился ли ты на ночь, Дездемон? – спросил я. – Господь дарует прощение!.. Я, правда, не Господь, у меня с милосердием туговато, все истратил в детстве... еще во внутриутробном, но ты можешь попробовать, вдруг да капли какие где-то остались на доньшке.

Он рассматривал меня с покровительственной насмешкой, очень уж быстро эта сволочь свыклась с неуязвимостью. Бессмертие еще не прочувствовала в полной мере, а вот неуязвимостью просто наслаждается...

– Уважаю наглых, – сказал он, – ты еще сопляк, не знаешь, что мир совсем не таков, каким кажется.

– Ну да, – сказал я, – и ты не такой?

– И я, – согласился он.

– Мордой не вышел, – сказал я нагло. – Ты без доспехов... и меча? Хочешь на кулаках? Ты здоровый бык, но я здоровее!

Он захохотал.

– Люблю наглых. Сам такой, но ты вообще... Хочешь, возьму на службу?

Я изумился.

– С какой стати?

Он сказал торжествующе:

– Мне было предназначено править миром!

– Все пророчества ложь, – отрезал я. – Ты еще о конце света расскажи. Да и не было такого пророчества, думаю...

Он расхохотался.

– У меня в замке астролог. Он все прочел по звездам! А они никогда не врут.

– Астрологи?

– Звезды, дурень!

Я спросил ядовито:

– А сами астрологи?

– Мне соврать побоится, – объяснил он загадочно.

– Ну да, – согласился я, – если побоится, тогда угодное тебе напроорочит.

Он поинтересовался:

– И ты?

– Любой интеллигент, – уточнил я.

Он нахмурился, услышав незнакомое слово.

– А ты кто?

– Я уж точно не интеллигент, – ответил я с достоинством. – Где ты видел интеллигента с мечом в крепкой длани?

Он ответил со смешком:

– Ты мне нравишься, наглец. Я беру тебя на службу.

Я взялся за дубину.

– Если победишь.

Он посмотрел с интересом на посох Тертуллиана.

– У тебя же меч в ножнах!

– Но ты же без меча? – сказал я с достоинством.

Он захохотал.

– Ну наглец...

Он пошел на меня, растопырив руки, даже не пытаясь уклониться от удара. Я с трепещущим сердцем, больно не нравится его уверенность, сказал лютю:

– Получи!

Он безбоязненно смотрел на мой замах. Я с силой треснул его по голове. Он ахнул, ноги подломились, рухнул на колени, а в глазах даже не страх, а дикое непонимание.

Услышал его болезненный шепот, переходящий в хрип:

– Но я же...

Я хотел сказать что-то красивое, надменное, возвышающее меня и принижающее его, однако ощутил, как губы затряслись, потом затрясло всего, и я заорал, почти не осознавая, что выкрикиваю:

– Ничтожество!.. Тварь болотная!.. На что употребил свое бессмертие?.. Если бы помогал бедным людям... хотя на хрен им помогать, я бы сам не стал... ага, если бы стал ученым алхимиком, раскрывал тайны природы... я бы сам тебя в жопу поцеловал!.. За вечную жизнь можно так продвинуться, все бозоны открыть... А что сделал ты?

Он прохрипел затравленно:

– Но я... а ты бы не так?

– Не так, – отрубил я.

Он попытался подняться, я торопливо прыгнул на землю, арбогастр фыркнул и отступил, пятясь задом.

Я задержал дыхание и торопливо ударил снова, на этот раз увереннее и куда сильнее. Череп барона треснул, как глиняный горшок, долго простоявший на солнце.

Кровь из щелей ударила горячими фонтанчиками. Он завалился на бок, вытаращенные и уже мертвые глаза вперили взгляд в мое лицо, я отступил на шаг и без сил оперся на палицу, внутри нарастает жажда продолжать крушить, я же могу разнести весь замок, перебить там все, нет на свете невинных, убивать, крушить, истязать, сажать на кол...

Я напряг тело, по нему идут горячие волны и бьют в мозг. Террос, пользуясь случаем, пытается выбраться из заточения и взять верх, мое «я» позорно отступает, слишком уж тоненькая и слабенькая человечность в двуногом, что стало царем природы именно за счет жестокости и бесчеловечности...

– Нет, – прохрипел я. – На место, тварь рычащая... Или я найду способ вообще убить тебя... Без остатка.

Из-под земли поднялись угольно-черные тени с размытыми очертаниями. Они показались похожими на клочья грязного тумана, но в них исчезает не только свет, но и, как мне показалось, даже материя.

Я даже не рассмотрел, сколько их там, они то сливаются в одну общую массу, то разделяются, а когда окружили тело барона Вимборна, у того из раскрытого рта неохотно начал подниматься черный дым.

Все происходило совершенно бесшумно, но я отчетливо услышал или ощутил их ликующий визг, совершенно нечеловеческий. Черные лапы ухватили этот дымок, выдернули целиком из тела, будто нечто скользкое и отчаянно барахтающееся.

Я услышал отчаянный крик Вимборна, а тени, держа крепко его черную душу, стремительно ушли в землю.

Из меня дрожь постепенно уходила, как мне почудилось, тоже в землю, та принимает все и всех, а когда сзади на затылок упала горячая волна воздуха, я уже не подпрыгнул с диком криком паники, а сказал, не оборачиваясь:

– Зайчик, я тебя тоже люблю. Сейчас домой... подожди чуть, а то ноги трясутся, в седло не поднимусь.

В поместье Вимборна я задержался ненадолго, только для того, чтобы догнать тех орлов, что на рассвете галопом мчались мне навстречу из замка.

Они уже были в деревне, где, упиваясь безнаказанностью, вытаскивали из домов девушек и молодых женщин себе и хозяину на потеху, с удовольствием били всех встречных, это же какое наслаждение для подонков: бить и не получать сдачи!

Порубил почти всех, воины из них никакие, а двух расвирепевшие крестьяне завалили сами, связали и попросили оставить им, таким сволочам простой казни мало.

– Верно, – согласился я. – Посадите их на колья, чтоб с недельку корчились!.. Им все равно смерть, а вам приятно. Да и других мерзавцев устрешит... хоть немного.

– Спасибо, господин!

– Принц Ричард Длинные Руки, – сказал я с достоинством. – Всегда стоит на защите демократии, что значит... ну, вас защищаю, морды! Замок можете взять на разграбление, а можете и сами там устроить коммуны.

– Спасибо, добрый лорд!

– Следите друг за другом, – сказал я, – чтобы никто не стал на место барона, больно это соблазнительное место...

Они прокричали:

– Спасибо, лорд!

По-моему, они так и не поняли, что я не просто рыцарь Ричард, а тот самый Ричард, здесь мое имя еще не прогремело, как жаль, я привстал на стременах, улыбнулся белозубо, пусть запомнят такого благородного красавца.

Они кричали, женщины поднимали на руках младенцев и показывали им меня, а я повернул арбогастра в сторону юга и сказал ему тихонько:

– Давай, Зайчик, но не сразу, не сразу...

Он дал, через несколько секунд все убыстряющейся скачки я увидел далеко позади снежный вихрь, что безуспешно пытается следовать за нами, размечтался...

Когда показались высокие стены Генгаузгуза, я снял плащ Каина и сунул в мешок, где он занял удивительно мало места, словно материальное давно выветрилось, а осталась некая субстанция зла, материализованная в самом Каине и всех его вещах.

Над воротами и на стенах блестят наконечники острых копий, шлемы и панцири наших солдат, еще больше их на башнях, откуда зорко наблюдают за всеми передвижениями, несмотря на то, что конные разъезды Норберта всякий раз привозят успокаивающие вести.

Я вскинул руку в победном жесте, лорд должен быть радостен и внушающ, со стен и ворот довольно закричали.

– Бдите, – прокричал я звучно, – даже если враг спит!

Они довольно расхохотались, как же, спит он, когда в его королевство вторглись те, кого здесь считают слабыми, изнеженными и трусливыми. Теперь, как всякий мужчина, должен только и думать, как победить или умереть, пытаться.

Из соседнего с главным зданием выскочил и едва не упал, путаясь в длинной рясе, епископ Геллерий.

Я увидел, что он спешит ко мне, остановился на крыльце уже перед открытой услужливыми слугами дверью.

Он подошел торопливо, издали всматриваясь зорко и взволнованно, лицо бледное, щеки запали, а скулы выпирают еще острее.

– Ваше преосвященство, – сказал я.

Он воскликнул:

– Ваше высочество!.. У вас такое лицо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.